

Анна Клименко

# Вампир для истинной королевы



**Анна Клименко**  
**Вампир для истинной королевы**

*Текст книги предоставлен автором*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=181141](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181141)*

**Аннотация**

Если тебя вдруг выдают замуж за короля эльфов – жди подвоха. И не одного! Сперва окажется, что свадьбу придется перенести, затем выяснится, что по дворцу шастает кровожадный монстр, а потом и вовсе влюбишься... отнюдь не в будущего супруга, а в самого что ни на есть вампира.

Мужчинам, юношам, мальчикам – читать СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ. Книга написана специально для женщин!

# Содержание

Пролог	4
Глава 1. Удачно выйти замуж	12
Отступление 1. Миссия для вампира	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

# Анна Клименко

## Вампир для истинной королевы

*«Сэр, – рыцарь тут воскликнул, – пощадите!  
Трагедиями нас не бремените!  
Гнетет нас этих бедствий страшный груз.  
К примеру, я хоть на себя сошлюсь:  
Мне тяжело слышать, что глубоко пал  
Герой, который в славе пребывал,  
И с облегченьем, с радостью я внемлю  
Тому, как наполняют славой землю,  
Как низкий званьем славен и велик  
Стал и пребыл. Его победный клик  
Бодрит мне душу и дает отраду.  
Об этом и рассказывать бы надо».*  
(Дж. Чосер, *Кентерберийские рассказы*).

### Пролог

Двадцать второй день месяца Урожайника был еще одним осенним днем. Таким же, как и бесконечная череда его предшественников: туманное и свежее утро, нежаркое солнце в обед, по-осеннему тихий и спокойный вечер, когда позолоченные макушки тополей касаются чистого синего неба.

В этот день произошли весьма значительные события, двадцать лет спустя столкнувшиеся с наезженной колеи судьбы трех королевств. Но тогда казалось, что ничего важного или экстраординарного не происходит. Казалось, что все идет своим чередом – так, как было раньше, и так, как будет всегда.

\* \* \*

Ранним утром Роланд, маркиз де Лив, строевым шагом мерил главный зал своего замка. Он был глух – глух именно сегодня и сейчас – потому как специально заказал у лекаря беруши. Маркиз решил на столь отчаянные меры исключительно потому, что не переносил женских воплей и слез. Для того, чтобы душевное равновесие маркиза пошатнулось, было достаточно одинокой слезинки, ползущей по персиковой щеке дражайшей супруги; Роланд при этом сам впадал в глубочайшую депрессию и начинал рыдать.

А сегодня, двадцать второго дня месяца Урожайника, ветхие стены замка буквально сотрясались от воплей маркизы. Причина была проста: семейство де Лив с минуты на минуту ожидало появления на свет наследника. Посему Роланд заткнул уши и нервно расхаживал из угла в угол, пытаясь обдумывать дела хозяйственные и переставляя с каминной полки на стол фарфоровые статуэтки, которые много лет тому назад были подарены деду Роланда самим королем эльфийским.

Маркиз так увлекся перестановкой изящных эльфиек и грациозных рыцарей, что не сразу заметил появившегося в дверях лекаря. Но последнего это не смутило, он хорошо поработал и собирался во что бы то ни стало получить плату за труды. Лекарь на цыпочках подкрался к маркизу и фамильярно шлепнул его по плечу.

– А? Что?! – подскочил Роланд.

Обернувшись, он увидел лекаря, который измятым платком промокал струящийся по лицу пот. Лекарь принялся дико вращать глазами, беззвучно открывать и закрывать рот, изображая при этом крайнюю радость.

– Что такое? Вы в своем уме? – возмутился маркиз.

Потом вспомнил, что уши все еще надежно защищены от женских воплей, и торопливо извлек затычки.

– Ну, что?!!

Лекарь, порядком истративший свой пыл, только махнул рукой.

– Поздравляю, маркиз. У вас замечательная дочь.

– Дочь?! – Роланд запаниковал и торопливо забегал из угла в угол.

Он прикидывал, где и когда произошла роковая ошибка? Звезды обещали сына, деревенские гадалки пророчили сына, и даже повивальная бабка, заглянувшая из далекой деревни, била себя кулаком в грудь и кричала, что будет «младенец мужеска полу». Так кто и когда ошибся?

– Маркиз, – лекарь поправил очки в тонкой позолоченной оправе и расплылся в приторной улыбке, – я бы на вашем месте радовался. Супруга ваша обладает прекрасным здоровьем, и Всевышний несомненно наградит вас и другими детьми.

– Да? – растерянно переспросил Роланд, – вы на самом деле так думаете?

– Ну конечно! Идите же к маркизе, она будет рада вас видеть, когда все позади.

Роланд почесал бородку и нерешительно потоптался на месте. Ему вдруг стало страшно – а вдруг младенец будет жалкий, сморщенный и некрасивый? Вдруг вообще это какой-нибудь неправильный младенец?

– Не сомневайтесь, маркиз, – осторожно сказал лекарь, промокая платком многострадальную лысинку, – у вас будет еще довольно сыночек.

– И то правда, – согласился маркиз, – что ж... Сколько я вам должен?

Положив в потные розовые ладошки доктора столбик монет, маркиз отправился к жене и новорожденной дочери. Спускаясь по шаткой лестнице, он принялся напевать военный марш, его настроение значительно улучшилось.

– Ну и хорошо, что все позади, – бормотал он, – ну и ладненько. Следующий будет мальчик. Обязательно!

Маркиз остановился перед дверью, ведущей в опочивальню жены, и прислушался. Оттуда доносились странные звуки, похожие на мявканье драчливого кота.

«Это, что ли, и есть моя дочь?» – немного разочаровался Роланд, – «что-то голосиста чересчур!»

Он потоптался на пороге, а затем решительно отворил дверь.

«Назову-ка дочурку Агнессой», – подумал Роланд де Лив, – «пусть так и будет, Агнесса Рой де Лив. Отличное имя для девицы столь благородного происхождения!».

\* \* \*

В этот же день – но уже далеко от имени маркиза де Лив – произошло еще одно, незначительное на первый взгляд событие. Началось оно с того, что владыка объединенного королевства людей, Людовик Единственный и Неповторимый, принялся распекал своего советника во вопросам шпионажа.

Людовик – молодой, красивый и подающий надежды король – стоял у окна (таким образом, чтобы нежаркие лучи полуденного солнца золотили тщательно завитые кудри и играли на шитье камзола).

Советник – старенький, в напудренном парике и скромном темно-синем сюртуке, краснел у порога роскошного кабинета – и был, в общем-то, рад тому, что Людовик занят созер-

цанием открывающейся из окна панорамы. Да-да, советнику было стыдно! Он готов был провалиться сквозь землю, напрямик к демонам Бездны – но, увы, продолжал выслушивать упреки юного правителя.

– Почему копия договора до сих пор не легла мне на стол? – тем временем сердито вопрошал монарх, – отчего, скажите, я до сих пор не знаю, какую сделку заключили Светлый лес и Некрополис? Почему ваши люди, сударь, до сих пор не разнюхали, чего добивается этот, как его... Ну, их верховный кровосос? Почему, ась?!!

Советнику стало совсем не по себе. Более того, внезапно подкралась духота, и он потянулся к шелковому шейному платку.

– Сир, мы делаем все возможное, – забубнил он, с трудом переводя дыхание, – к сожалению, мои люди так и не обнаружили договора... Но мы подозреваем, что эльфы заключили с Полночным царством исключительно торговое соглашение.

– На поставку моих подданных в качестве пищи этим монстрам? – король резко крутнулся на каблуках и пронзил пальцем воздух в направлении несчастного советника.

– Я требую, слышите? Требую, чтобы в течение месяца копия договора легла мне на стол, сударь! – в голосе монарха перекачивалась гроза, – иначе вы первый отправитесь в Некрополис... В качестве обеда для Мессира! А теперь извольте убраться с глаз моих. Пошел вон, короче говоря!

Советник откланялся и зашаркал прочь, тяжело хватая ртом воздух. Ему в самом деле было нехорошо: то под лопаткой кольнет, то словно железный обруч на сердце сожмется.

«Так и помереть недолго», – подумал он, ковыляя к себе в кабинет, – «проклятый мальчишка!..»

Раздраженно хлопнув дверью, советник первым делом нашарил в одном из ящиков письменного стола мятные успокаивающие капли, отмерил пол-рюмки и выпил залпом. Дышать стало чуть легче. Он, кряхтя, расположился в кресле и решил немного передохнуть – но вдруг осознал, что не один.

На табурете в углу сидела какая-то невзрачная девица, тощая и бедно одетая. Сидела – и молча, с ухмылкой, наблюдала за советником.

– Это еще что такое?!! – возмутился он. Потянулся было к колокольчику – позвать кого-нибудь из прислуги и выдворить деваху за дверь, но...

– Не торопитесь, советник, – насмешливо сказала незнакомка и рывком поднялась, – у меня есть то, что вы пытаетесь добыть на протяжении месяца.

Она в самом деле была худой и невзрачной. Руки тонкие, шея тонкая, острые локти и пальцы, даже губы – бесцветной ниточкой. И темные волосы, зачесанные со лба назад и заплетенные в две косы, были жиденькими. Единственным, что привлекало внимание в этой девахе, были ее глаза – словно два кусочка льда в обрамлении черных пушистых ресниц. Хищные, недобрые глаза. И взгляд неприятный, колющий.

Советник молча убрал руку от колокольчика, хрипло поинтересовался:

– О чем это вы?

– Договор, заключенный между эльфами и нелюдью, – отчеканила незнакомка.

Быстрым и ломким движением она выложила на стол плотный лист бумаги, сложенный вчетверо.

– Я сделала копию с договора. Извольте ознакомиться.

– Хм... – советник, не веря собственным глазам, вертел бумагу. Оказывается, самый обычный торговый договор, не более. Нужно будет, конечно же, все проверить... Ведь странно, когда столь важные документы копирует безвестная леди! Но Людовик будет доволен, если только это не подделка. А льдистый взгляд не отпускал...

– Это копия с оригинала, – с напором произнесла девица, – я лично была при дворе Эльфира, и с помощью верных мне людей смогла заполучить договор.

– И что вы хотите за эту копию? – опомнился советник.

Он твердо был уверен в том, что любая услуга должна быть оплачена.

– Мое единственное желание – служить королю, – неожиданно мягко сказала загадочная леди, – позвольте мне и далее заниматься вопросами шпионажа.

– Ну-у... – советник почесался под париком, – отчего бы и нет? То, что вы сделали, весьма ценно для нас. Мы нуждаемся в таких людях. Но будьте любезны, хотя бы назовите себя.

Остренькое личико расплылось в довольной улыбке, и тут советнику померещилось, что даже зубы у этой девицы острее, чем нужно. Правда, он списал это на расшатанные нервы и на действие мятных капель.

«Не шпион же Некрополиса, в конце концов!» – он еще раз окинул гостью внимательным взглядом.

Конечно, она не красавица – но если будет стараться, может быть и толк выйдет. А если у нее есть связи при эльфийском дворе... Тем лучше! Останется только проверить ее, чтобы не играла на два поля.

– Меня зовут Вьенн, – представилась она, приседая в заученном реверансе. И тут же торопливо, но весомо добавила, – леди Вьенн.

\* \* \*

Двадцать второй день месяца Урожайника близился к закату, и это не могло не радовать вампира, бредущего через густой ельник. Вампира звали Тэл, он устал и вымотался без сна – но продолжал упрямо двигаться вперед и вперед, к заветной цели.

Какая же цель может быть у вампира? Еще одна красотка, с нетерпением ожидающая полнолуния?

Нет, конечно же нет. У вампиров, между прочим, есть уйма своих собственных вампирских тайн. Секретов, навсегда похороненных в пыли прошедших веков – и они опасны, эти тайны, но продолжают манить призраком могущества и власти. Кто устоит против такого зова? Уж конечно, не молодой вампир, у которого за плечами осталась инициация, а впереди ждет вечность.

Когда у тебя есть бессмертие, нужно обзавестись только могуществом, чтобы, в конце концов быть не хуже прочих, старых вампиров. А красотки – Бездна с ними! Пусть вешают чесночные венки в изголовье и ставят решетки из омелы на окна...

Тэл брел сквозь ельник, все ближе к одной из старых, очень старых тайн. День быстро угасал, тени от старых серебристых елей становились длинными и расплывчатыми. Еще немного – и они сольются с ночной тьмой, и выкатится на небо луна – благословенное светило для каждого обитателя Некрополиса.

Тэл остановился, чтобы отдышаться. Перебросил на другое плечо тяжелый мешок, затем, подумав, отхлебнул из фляги – и, облизнувшись, заторопился дальше.

... При дворе Мессира его могли хватить в любую минуту. Ну, а там – владыке Некрополиса ничего не стоит найти предателя.

Тэл спешил, проклиная вылезшие из земли корни старых елей, колючие ветви, то и дело хлещущие по лицу. Что, если Мессир и правда заподозрит неладное? Что тогда?!!

Вампир очень живо представил себе, что его ждет: древние подземелья дворца и вечный голод. Мессир, провалился он в Бездну, не любил шутить – и провинившихся карал без снисхождения.

Передернув плечами, Тэл подался вперед – как будто за ним уже гнались ищейки владыки. И неожиданно вылетел на открытую местность. Ельник закончился, словно его седоватую мякоть обрубили топором.

Дальше, куда хватало взгляда, простиралась долина, у горизонта охваченная зубчатой кромкой леса, а по правую руку упирающаяся в невысокую гору. Там, окутанный сумерками, дремал старый полуразрушенный замок.

«Дошел», – подумал Тэл, – «Дошел!!!»

Но потом спохватился. Не дошел еще, а лишь увидел цель своего путешествия...

Он двинулся к замку, без жалости топчя розовые бутоны и ломая сочные побеги. Надвигалась ночь, тихая и прохладная, и вампиру дышалось все легче и легче. Ночи принадлежали ему, и каждая из них была его временем...

Не прошло и часа, как Тэл добрался до распахнутых трухлявых ворот.

Вампир, приняв себя, осторожно просунул голову в широкую щель между створками и огляделся. В густых сумерках все пространство за стенами походило на мохнатую шкуру оборотня – настолько все заросло боярышником и бузиной. Но Тэла это не смутило: в конце концов, как еще может выглядеть замок спящей красавицы?

А ведь он и в самом деле собирался разбудить ту, что пребывала во сне уже более века. Она приходила в снах, прекрасная, источающая свет Силы, и звала, соблазняя древними тайнами, предлагая могущество старших вампиров... В обмен на свободу.

Тэл вздохнул. Извлек из ременной петли топорик и начал прокладывать себе путь сквозь колючие кусты. Туда, в главную башню – где же еще искать проклятую спящую королеву...

«Почему Мессир не выставил охрану?» – думалось ему, – «неужели так уверен в собственных силах? Или думает, что никому из подданных не придет в голову повернуть время вспять?»

Впрочем, Тэл и не собирался возвращаться к чему-то старому. В его планы входило выпытать у спящей красавицы все секреты древних царей, а потом просто избавиться от нее.

Тэл добрался до двери, ведущей внутрь башни, и уже было прикоснулся к изъеденной жуком-точильщиком створке, как быстро отдернул руку и выругался. Нет, так нельзя... Малейшая неосторожность – и Мессир собственной персоной прибудет в старый замок.

Вампир быстро нащупал в кармане амулет – кусок заговоренного горного хрусталя на кожаном ремешке – и прислонил к порогу. Ага, так и есть! Конечно же, вход в башню оказался зачарованным... Не зря замок никем не охранялся!

– Работаем, – пробормотал Тэл себе под нос, – работаем...

Орудя ножом, вампир быстро начертил на земле пентаграмму, воткнул в центр тоненькую белую свечу. Еще несколько драгоценных минут ушло на щелканье кремнями – и только потом затрепетал желтый огонек. Тэл удовлетворенно вздохнул, отошел на пару шагов: пентаграмма медленно наливалась недобрый алым свечением. Это «выгорали» наложенные на двери чары Мессира.

Заденешь такую пентаграмму – останется горстка пепла. Лучше подождать в сторонке, пока подвешенная на дверях Сила просочится в Бездну...

– Вот и ладненько, – буркнул Тэл, переступая через догоревшую свечу.

Ему вдруг пришла в голову мысль, что надо было лезть в окно, но потом Тэл махнул рукой на запоздалую идею. Какая разница – окно или дверь? Если Мессир накладывал чары, то наверняка и про окна не забыл. К тому же, окно высоко, до него еще лезть и лезть...

«Что сделано, то сделано», – и Тэл, вытянув вперед руку с амулетом, медленно вошел в спящую башню.

...В отсутствие хозяев замок заселили пауки. Маленькие и большие, с тонкими ножками и мохнатые – они были повсюду. Со стен, с потолочных балок свешивались серые полотнища пыльной паутины, в углах что-то копошилось, и тихий шелест лапок по камню сопровождал каждый шаг Тэла.

Но вампиры не боятся пауков. Тэл преспокойно дошел до винтовой лестницы и начал подниматься, не забывая поглядывать на амулет. Горный хрусталь играл всеми цветами радуги, сигнализируя о невероятно мощных чарах где-то рядом.

«Знаем-знаем», – хихикнул Тэл, – «осталось немного, и не будет больше слабенького вампира. Я еще и с Мессиром смогу тягаться – хотя, наверное, лучше не стоит...»

Амулет вдруг пыхнул кровавой каплей – и рассыпался черной трухой.

– Ну, вот, – огорчился Тэл, – рановато. Совсем никуда не годится...

Он стоял на лестнице между этажами. Выходило так, что дальше идти было нельзя – чары Мессира начинались именно здесь. Да еще какие!

Тэл снова ругнулся, помяная Бездну и ее демонов. Затем извлек из мешка еще свечу, нацарапал на ступеньке еще одну пентаграмму – она получилась маленькой, но что поделаешь?

«Главное, отойти подальше», – подумал вампир, спускаясь, – «и пусть себе горит...»

Рыжий коготок свечи неуверенно царапнул мрак. Линии пентаграммы вспыхнули сразу, не так, как у входа – а гнилостной зеленью.

«Хорошо Мессир поработал», – Тэл уважительно смотрел на разливающееся по лестнице сияние.

И вдруг – хлоп! – со звуком пробки, вылетающей из бутылки игристого вина, пентаграмма провалилась сквозь ступеньку вниз. Тэл заморгал на обугленную дыру, затем перегнулся через перила – зеленая лужица разливалась по камням предыдущего витка лестницы и начала медленно стекать вниз, оставляя за собой как будто кислотой изъеденный камень.

– Тьфу, вот беда, – вампир озадаченно почесал затылок.

Происходило нечто такое, чего он не предполагал и никогда раньше не видел. Да что же за волшебство здесь творилось?

Тем временем расплавленная пентаграмма, напитанная силой заклинания, добралась до первого этажа, проела в камне дырку и со свистом полетела куда-то вниз, под фундамент башни. Затем что-то грохнуло – так, что Тэл едва не покатился по ступенькам – и воцарилась настороженная, тревожная тишина.

Вампир отер выступивший на лбу пот. Кажется, все...

Он сделал неуверенный шаг вперед, на ступеньку, где изначально была пентаграмма – ничего не произошло. Затем, опомнившись, вытащил второй (и последний) амулет. В хрустале отразился чистый лунный свет, а это значило – путь свободен. Тэл устремился вверх, перепрыгивая через ступеньки. Теперь – спешить, спешить, пока Мессир пребывает в неведении!

... Крыши над башней почти не осталось – она провалилась. Над головой тяжело нависали старые, подгнившие балки. Еще выше светились миллиарды звезд – а на полу, усыпанный гниющей позапрошлоголетней листвой, стоял гранитный саркофаг.

– Вот оно! – выдохнул Тэл.

Чувствуя, как замирает от восторга сердце, он сделал решительный шаг. Быстрый взгляд на амулет – пока все в порядке. И вместе с тем – тревога, теснящая дыхание.

«Кто знает, на что способен Мессир?»

Тэл, не доходя до саркофага, начертил на полу большую и, как он надеялся, последнюю пентаграмму. Выудил из сумки толстую алую свечу, за которую были плачены баснословные деньги.

«Пусть себе горит», – решил вампир, – «если что и осталось».

Предчувствие не обмануло: саркофаг был заговорен так умело, что даже амулет не помог. Варварский, конечно, способ – так снимать чужие заклятья, но верный. В пентаграмме с заговоренной свечой в центре выгорали любые чары...

– Ну-с, вот и все, – пробормотал Тэл, глядя, как медленно гаснет остаток чужого заклинания.

Ему оставалось только сдвинуть тяжеленную крышку – и спящая красавица окажется на свободе...

«Ты слышишь меня?» – обратился Тэл к той, что ждала его столько лет, – «я пришел. Ты звала, и я пришел, чтобы получить обещанное».

...Молчание. Долгое, неприятное. А затем как будто кто-то окунулся в мыслепоток:

«Делай, что должен – и все получишь».

– Прекрасно, – Тэл хихикнул, потер руки.

Он подналег на каменную крышку, она со скрежетом подалась...

И Тэл увидел голову спящей красавицы. Всевышний, а ведь этого стоило ожидать! Но Тэл отчего-то растерялся, когда призрачный свет луны тронул череп, туго обтянутый коричневой кожей. Волосы, роскошные локоны королевы обратились в пыльную паклю. Там ползали какие-то букашки – и они же неторопливо путешествовали по лицу, по шее мумии...

Отшатнувшись, вампир сделал глубокий вдох. Только без паники, Тэл... Без паники! В конце концов, все мы именно такие. Сотня лет без пищи – и вот что остается от безупречного и бессмертного тела.

Он вздрогнул, когда мумия в саркофаге шевельнулась. С тихим хрустом поднялись ресницы, на Тэла уставились высохшие, слепые глаза.

– Помоги... мне... подняться...

Опомнившись, вампир бросился вытаскивать из саркофага то, что раньше так много значило для всего Некрополиса.

– Ты... сделал все... правильно... – прострекотала очнувшаяся от долгого сна красавица.

– Я надеюсь на вознаграждение, – Тэл за словом в карман не лез.

– Не... сомневайся... ты его получишь.

Содрогаясь от отвращения, вампир тянул и тянул к себе высохшее тело. Но, пожалуй, древние тайны того стоили. Подумаешь, желтые загнутые когти цепляются за воротник! В конце концов, она слаба, и полностью в его власти.

– Смогу ли я стать равным Мессире? – вдруг усомнился Тэл, – вы-то проиграли.

– Ты... ошибаешься, – проскрежетала она, – битва еще впереди.

«Ну-ну, надейся», – вампир ухмыльнулся.

Этому высушенному чудовищу недолго осталось...

Костлявая спина задрожала под его руками, свалявшиеся в паклю волосы оказались совсем близко от лица Тэла...

И вдруг он почувствовал резкую боль в горле. А, вот как?!? Значит, красавица решила воспользоваться его великодушием?

Тэл изо всех сил вцепился в плечи монстра, пытаясь оторвать его от себя – но не тут-то было. В тело впились острые, словно бритвы, когти. А зубы... Разбуженная красавица с утробным рыком продолжала убивать Тэла, отнимая бессмертие.

– Отпусти! – он из последних сил заколотил по коричневым плечам, – ты обещала!

– А что я могла обещать предателю? – и раздался холодный издевательский смех.

...На миг зрение вернулось к Тэлу. Он увидел, как над ним склоняется красивая темноволосая женщина. Не высохшее нечто из саркофага – а роковая незнакомка, чье тело в лунном свете казалось изваянным из мрамора.

– Счастливого пути, Тэл, – прошептала она.

Потом он заснул – навсегда и без сновидений.

\* \* \*

...Утром следующего дня у ворот замка появился высокий черноволосый вампир в строгом сюртуке из темно-синего бархата. Щурясь на зарю, он неторопливо прошел сквозь ворота, по прорубленной Тэлом дорожке пересек двор и остановился у входа в башню.

Постояв несколько минут, вампир развернулся и пошел прочь. Восходящее солнце двумя раскаленными искрами отражалось в его глазах цвета бирюзы.

В глазах, которые все видели и замечали.

## Глава 1. Удачно выйти замуж

– ... Если тебя, девицу из обедневшего дворянского рода, выдают замуж за короля эльфов, жди подвоха, – потусторонним голосом заверила гадалка.

Она хитро глянула на меня из-под упавшей на глаза пегой челки – мол, хватит дурака валять или продолжить? Судя по недовольству, мелькнувшему на ее веснушчатой физиономии, я была не самой лучшей жертвой для деревенской прорицательницы.

– Ты не на меня смотри, а туда! – гаркнула она, склоняясь над столом так, чтобы мне не было видно ее лица.

Я недоуменно поглядела на гадалку. Затем опустила взгляд в чашку, на дне которой и было найдено это предостережение. Там густыми разводами стыла кофейная гуща, темно-коричневые пятна на фоне белого фарфора – и, само собой, ни светлого лика эльфийского монарха, ни зловещих признаков того самого подвоха.

– И не сомневайся, – доморощенная провидица вещала далее, – вот, вижу золотой венец, а за ним тьма идет, а за тьмой трон... Пятак-то не забудь, девица. А трон этот в пре-темном царстве. Да, да, пятак клади на блюдо.

Я честно пыталась разглядеть собственную будущность на доньшке старой, с отбитой ручкой чашки. Но, похоже, небеса обделили меня даром предвидения. Гадалка хищно подхватила положенную монету, а я, жалко улыбнувшись на прощание, побрела к выходу.

По дороге к двери я умудрилась споткнуться о завернутый край пыльного половика. Чувствуя, что лечу прямехонько в забывшую о побелке стену, я все-таки ухватила за край стола, смахнула на пол чашку с предсказаниями а заодно и тяжелое блюдо. В итоге нос мой был спасен, слегка пострадало лишь правое колено.

– Ой, прошу прощения!

Я быстро поднялась, сгребла в горку то, что минутой назад было чашкой и блюдом.

– Вот, я все собрала, еще раз прошу прощения.

Гадалка, оказывается, даже не предприняла попытки встать со стула, но отчего-то побелела лицом. Ее губы шевелились, как будто она силилась что-то сказать, но звуки безуспешно застревали в горле.

– Вот вам за убытки, – я быстро положила на стол еще один пятак и устремила к выходу.

Странные все-таки эти гадалки. И зачем так нервничать по пустякам?

...Позвольте представиться. Я – Агнесса Рой де Лив, старшая дочь маркиза де Лив, чьи владения заключаются в деревне на десяток дворов, покосившейся мельнице и сотне ослов, которых он пытается выращивать и продавать соседу. Ослики то и дело хворают, исход болезни зачастую далеко не самый благополучный – а потому золота в наших родовых сундуках не прибавляется, и старый замок с каждым годом все больше напоминает благоустроенный загон для столь обожаемых маркизом упрямых животных.

Кроме меня, у драгоценных родителей есть еще пять дочек, самой младшей – восемь лет, самой старшей, то есть мне – двадцать. Вы можете сказать, что для меня уже настало время удачно выйти замуж, но мужчин благородного происхождения не так уж и много в округе. Все, как назло, женаты и даже обзавелись многочисленным потомством. Так что приходится коротать вечера за рукоделием, сидя у окна в надежде, что какой-нибудь рыцарь будет проезжать мимо, заглядится на миловидное личико – ну, и увезет куда-нибудь подальше.

– Агнесса! Погоди!

Я остановилась перед хлипким мостком через громадную, как целое море, лужу. Там блаженно хрюкали свинки, подставляя весеннему солнцу то один бок, то другой, и важные гуси шумно хлопали крыльями и ругались меж собой.

– Уфф, за тобой не угонишься ...

А теперь позвольте представить моего деревенского поклонника, сына мельника. Он тоже старший, и у него есть пять младших братьев. Учитывая их возраст, все они могли бы стать превосходными мужьями моим сестрам – на тот случай, если все-таки не завернет к замку отряд из шести родовитых рыцарей. Старший, Этьен, хорош собой, высокий, ладный парень. У него добродушное круглое лицо, чуть присыпанное веснушками, рыжие вихры, которые он безуспешно пытается приглаживать и светло-зеленые глаза, точно молодая травка. Нос его похож на молоденькую картошечку – и формой, и оттого, что шелушится, отхватив весеннего солнышка больше, чем надо. Вечно обветренные губы улыбаются, а на щеках играют ямочки, совсем как у девчонки.

Одет Этьен... Ну, не так чтобы плохо. Башмаки у него новенькие, приятно поскрипывают при ходьбе. Штаны чистые, без заплаток, рубаха тоже не старая, поверх – шерстяная куртка приятного цвета лаванды, я бы сама от такой не отказалась. А что еще нужно жителю уютной и далекой от столичных дрязг провинции? Да ничего!

Он напустил на себя серьезный вид.

– Ну, что тебе Алиса рассказала?

– Эмм...

– Ты домой идешь? – быстро перебил он, – позволь, я тебя провожу.

И ловко пнул гуся, изволившего усесться на мостике.

– Пойдем.

Разведя в стороны руки и стараясь не смотреть на копошащихся в луже хрюшек, я осторожно пошла по доске. Достигнув другого берега, обернулась к Этьену и выпалила:

– Алиса увидела в чашке с кофейной гущей, что я выйду замуж за короля эльфов!

Мой кавалер вмиг приуныл и пробубнил что-то вроде – ты из благородных, что в этом странного.

– Брось, Этьен, – я взяла его за руку и потащила вперед, – я совершенно не верю в то, что судьбу человека можно увидеть на дне старой чашки.

Солнышко припекало. Ярко зеленели шелковые травинки, наперебой лезущие из земли. Возились в навозной куче воробьи, и нежно шептались молоденькой листвой яблони.

– Алиса не ошибается, – мрачно заметил Этьен, – если она так сказала, то...

– А еще она несла чепуху про трон в темном царстве. Тоже, скажешь, надо верить?

Он пожал плечами, подкатил глаза.

– Мне бы не хотелось, чтобы ты выходила замуж за эльфа.

Я насторожилась. Не слишком ли хорош этот день для того, чтобы выслушивать признание в любви от сына мельника?

Но, к счастью, краснеть и смущаться не пришлось – ни мне, ни ему. Потому что, в очередной раз пригладив волосы, парень изрек:

– Я слышал много страшных историй про эльфийский двор.

– Да ты что? И каких же? Этьен, они же светлые эльфы! Темных давным-давно извели... Ну, помнишь, нам еще старуха Ньель рассказывала, как темных гнали на край света?

В глазах моего кавалера появилось выражение превосходства, какое может чувствовать взрослый мужчина, *вкусивший жизни*. В отличие от меня, Этьен бывал в тавернах, а потому обретенный жизненный опыт уже не раз светился на его добродушной физиономии то замечательным фингалом, то ссадиной.

Бесцеремонно схватив меня за локоть, он зашептал:

– Полон дворец нежити! Давеча в деревню заходил бард один, такого рассказал, жуть просто... Вроде как эльфийский правитель уже давно заключил договор с Некрополисом...

– Некрополисом, – поправила я, разглядывая запылившиеся носки башмаков. Они отчаянно просили каши, надежды же на новые туфли были весьма призрачными.

– С Некрополисом, – повторил, волнуясь, Этьен, – и те... Ну, нежить всякая – теперь отряжают послов к эльфийскому двору.

– Ну и что с того?

Из-за живой изгороди показалась ветхая стена моего родового замка. Кладка потрескалась, строительный раствор кое-где осыпался – жалкое зрелище! И все же эта развалюха оставалась моим единственным и в какой-то мере очень любимым домом.

– Как – что?!! – возмущенно воскликнул Этьен. В его зеленых глазах светилась собачья преданность. – Тебе надо убежать из дому!

– Чтобы не выходить замуж за эльфийского короля? – я подозрительно воззрилась на будущего хозяина мельницы. На сумасшедшего вроде не похож, а там – кто знает?

– Именно! – воссияв от восторга, подтвердил Этьен.

Мне показалось, что на сей раз беседа наша зашла в тупик. Да и что можно сказать молодцу, который верит каждому слову деревенской гадалки?

– Мы убежим на край мира, – между тем деловито продолжал он, – я буду добывать дичь, ты ее готовить...

– Вне всякого сомнения, – серьезно заверила я его, – но мне необходимо собрать вещи. Надеюсь, ты не против?

Между тем мы подошли вплотную к тому, что в нормальных замках является рвом, а в моем собственном всегда было заросшей илом и камышом канавой, где резвились утки. Потянуло сыростью и тиной.

– Вот и пришли, – с трагическим надрывом в голосе произнес Этьен.

Я хотела сказать на прощание, что обязательно подумаю вечером над его предложением сбежать, но не успела. Боковая калитка с душераздирающим скрипом приоткрылась, и в образовавшуюся щель высунулась кудрявая голова Аурелии, самой младшей из потомства маркиза де Лив.

Ее не зря нарекли Аурелией: к восьми годам она ухитрилась отрастить длинные косы изумительного золотого цвета. И кожа ее была приятного смуглого оттенка, а глаза – темные и загадочные. Все шло к тому, что Аурелия должна была вырасти красавицей и затмить всех придворных дам во дворце нашего короля... Только вот – эх! – кто же нас туда позовет?

– А, вот ты где! – завопила сестрица, – скорее, скорее! К нам приехал длинноухий гонец, матушка с ног сбилась, тебя разыскивая!

И, показав язык Этьену, нырнула обратно. Я даже не успела ей сказать, что неприлично для молодой леди вопить о столь деликатных недостатках гостя как чрезмерно длинные уши...

Стоп. Длинные уши? Эльф?!!

– Агнесса, – томно прошептал Этьен и схватил меня за руку, – ты обещала...

– Ох, – я выдернула пальцы из липкой ладони, – поговорим еще, не переживай ты так.

Гордо прошествовав по мосту – как и полагается благородной девице, возвращающейся в свой замок с прогулки, я старательно прикрыла за собой калитку, мимоходом оглядела прекрасного вороного коня – такие не часто посещают наш замок.

Навстречу бежал отец, выраженный, как на парад: из шкафа бы извлечен темно-малиновый бархатный камзол, в коем мой родитель женился. Правда, за прошедшие годы камзол странным образом усох и не желал сходиться на талии маркиза де Лив, но моего милого папу это совсем не тревожило... В нашем замке, побери меня Бездна, происходило нечто совсем экстраординарное.

– Агнесса! – радостно возопил родитель, – прекрасная новость! Наш король желает, чтобы ты вышла замуж за правителя Эларии!

– За эльфа, живущего в Светлом лесу, – с трудом осознавая весь ужас происходящего, прошептала я.

Похоже, кофейная гуца сообщила гадалке правду о моей блестящей будущности. Меня, провалились все в Бездну, все-таки выдавали замуж за короля эльфов.

\* \* \*

– Ни за что! – безапелляционно заявила я, усаживаясь в любимое кресло.

Оно было старым и дряхлым, мое милое кресло, и отзывалось скрипом и скрежетом суставов на всякое движение сидящего. Наверное, поэтому те обитатели замка, что потяжелее, предпочитали сидеть на новых и неуклюжих табуретах.

– Это почему же? – искренне удивился папа и щелчком взбил застиранное кружево на манжетах, – гонец отдыхает, а утром ты сама сможешь его обо всем расспросить. Ну, если конечно захочешь.

Мы сидели в рабочем кабинете Роланда де Лив. Пусть замок рассыпается по камешкам, но у любого уважающего себя маркиза просто обязан быть кабинет – с дубовым столом, на котором невозможно что-либо найти из-за кип старых бумаг, с книжными полками, где вот уже который год пылятся произведения великих мыслителей прошлого. С красивой хрустальной чернильницей, в конце концов, где давно уже высохли чернила... Но я с раннего детства обожала смотреть на нее, особенно когда редкий лучик света пробивался сквозь запылившиеся шторы и играл радугой в хрустале.

– У короля эльфов и без того сотня жен, – я с видом поруганной невинности изучала ногти.

– Что за беда, лапушка? Будешь сто первой.

– Я слышала, у него при дворе шастают вампиры и оборотни из Некрополиса.

– Привыкнешь, – отмахнулся он, – во имя небес, лапуля, неужели ты боишься каких-то хилых оборотней? Помнишь, как прошлой зимой крестьяне одного такого на вилы подняли?

– Ну конечно, после того, как он загрыз четверых. И не называй меня лапулей, ты знаешь, я этого терпеть не могу.

– Думаю, ты будешь прекрасной женой королю Эльфиру, дорогая, – ласково сказал папочка.

– Но я же его не люблю! – я в последний раз попыталась воззвать к здравому рассудку родителя.

Он растерянно пожал плечами.

– А кто нынче выходит замуж по любви? Дорогая, хочу тебя заверить... Если бы я нашел тебе жениха из числа наших многоуважаемых соседей, ты бы в первый раз увидела будущего супруга стоя перед алтарем. Подумаешь, какие сентименты! Не люблю! Зря я тебя грамоте выучил, небось романов рыцарских начиталась...

– Я скорее убегу из дому, – ляпнула я и осеклась. Брови родителя грозно насупились.

– А вот об этом и не думай, Агнесса. В конце концов, тебе не приходило в голову, что твои сестры могут остаться без крова?!!

Хм. Вот как мы заговорили. Наверное, с этого нужно было начинать – с того, что маркиз де Лив по уши в долгах, и что наш величественный замок может пойти с молотка за бесценок.

– Мне обещали списать большую часть долга, если ты выйдешь замуж за ушастого, – виновато развел руками отец, – так что сама понимаешь...

Я вскочила. Хотела крикнуть, что ненавижу его – но промолчала. В темных глазах папы блестели самые искренние слезы.

Увернувшись от рук страдающего родителя, я бросилась вверх по лестнице, в свою комнату. Похоже, мне не оставили выбора. Похоже... Мне и вправду придется отправиться в путешествие, чтобы стать сто первой женой златовласого и ушастого эльфа.

Зло хлопнув дверью, я прислонилась к косяку. Коленки дрожали и подгибались, а взгляд... Взгляд дико шарил по комнате, которая за время моего отсутствия претерпела весьма существенные изменения.

– Агнесса, Агнесса! – завопили мои сестрицы, – только посмотри, сколько тебе привезли подарков!

Мое вконец испорченное настроение начало улучшаться.

Итак, все по порядку.

Стопка рыцарских романов (в чтении которых меня совершенно справедливо обвинял папа) неким таинственным образом оказалась в углу, а на ее прежнем месте, на маленьком столике, покоились три замечательных сафьяновых футляра. Нежно-голубой, словно небо по весне, зеленый, как молоденькая лягушка и розовый, как разбавленный малиновый сироп. Сестрицы кружили над ними, словно коршуны над добычей – но то ли в самом деле не смели открывать без меня, то ли эльфы предусмотрительно зачаровали подарки.

Кровать моя оказалась погребена под ворохом тканей – в цвет футлярам. Рядом, на парчовых подушечках, отдыхали замечательные туфельки, о каких раньше я даже не мечтала. И, наконец, все это просто утопало в букетах белых роз.

– Да-а... – протянула я.

Иных слов просто не было, а мысль о том, что мне придется стать сто первой женой эльфа, уже не казалась такой ужасной, как поначалу.

Приходя в себя, я услышала, как все пять сестер непрерывно канючат: «ну открой, открой!» И, стряхивая оцепенение, шагнула к футлярам.

– Какой первый открыть? – я растерянно прикоснулась к пухленькой крышке голубого.

– Ну, вот этот и открывай, – пискнула Аурелия, – у нас не получилось.

«Все-таки зачаровали», – я усмехнулась, нажала на скрытую пружинку и...

На белом бархате, впитав в себя радугу, вызывающе переливались бриллиантовое кольцо и серьги.

Эльвира, самая старшая после меня, осторожно прикоснулась к обворожительно блестящему камню в центре – а был он, ни много ни мало, размером с воробьиное яйцо.

– Да они же, провалились все в Бездну, настоящие!

И выразительно посмотрела на меня.

– Агнесса. Ты просто обязана выйти замуж за эльфа. Если, конечно, у тебя мозгов больше, чем у курицы.

Я, затаив дыхание, возилась с замочком зеленого футляра – пружинка заела. Но зато потом, когда преграда была преодолена, по комнате вновь пронесся вздох восхищения.

– Изумруды, – Эделина плотоядно облизнулась, – открывай последний.

Там меня поджидал изящный гарнитур, крупные коралловые бусины, запутавшиеся в тонких золотых нитях. Я молча присела на стул – силы куда-то делись, и коленки предательски подгибались. В носу противно защипало.

– Ты с ума сошла? – Эльвира всплеснула руками, – чего ты реवेशь? Вон тебе сколько драгоценностей будущий муж дарит! А ты?

– Но это же... – я всхлипнула и обвела их взглядом.

Эльвира, Эделина, София, Мария, Аурелия. Они молча стояли и ждали, что я скажу. Сколько раз мы дрались? Не счесть, да и не важно теперь. А сколько раз шептались, забравшись под ветхое одеяло, мечтали о том, что когда-нибудь встретим настоящего принца на белоснежном коне?

– Ну, что с тобой? – ласково спросила Эделина, – ты только скажи, а?

– Я же навсегда вас покидаю, дурочки, – выдохнула я и разрыдалась.

\* \* \*

Я разогнала сестричек по спальням, пообещав, что обязательно пришлю огромный ящик подарков – шелк, бархат, ожерелья – всего, чем богат эльфийский двор.

И вот, я одна. В душной и одновременно сырой комнате, заваленной дарами немилого и никогда не виданного жениха. А за мутным оконным стеклом – беспокойная весенняя ночь, полная луна и легкий, тревожащий душу аромат проснувшегося леса.

Я распахнула окно и несколько минут стояла, прижавшись лбом к шершавой стене. В разгоряченное лицо веяло весной и жизнью, бледная луна огромной плоской повисла меж рыхлых, точно хлопья кислого молока, облаков... Какое счастье иметь крылья и лететь, плыть по ночному небу навстречу этой чудной луне, один вид которой вынимает душу и заставляет сердце биться с удвоенной силой! Какая жалость, что крылья даны только птицам, а простым смертным не дано подняться в небо, и остается лишь бередящее душу желание, которому – увы – никогда не осуществиться.

В груди родилась тоска. Острое, почти необоримое желание устремиться в глубокую ночную синь, оставив далеко внизу и замок, и деревню, и лес. Откуда это во мне? Грусть по тому, чего я никогда не знала?

Пальцы гладили осколки лунного света. Взгляд тонул в серебристой вуали, накинутой на кривую иву у русалочьей заводи.

Наверное, в эту волшебную ночь русалки резвятся, заманивая в камыши редких прохожих – а последние и рады стараться. После чего в заводи появляется новый русаленок, а виновнику сего знаменательного события частенько приходится спасаться бегством от разъяренной супруги – хорошо осведомленных доброжелателей в округе полным-полно...

Вздыхнув, я отвернулась от окна. Созерцать эту хрупкую красоту весенней ночи просто не осталось сил. Пропади все пропадом! Не лучше ли подумать о предстоящей свадьбе?

Я вздохнула еще раз. Король Эльфир, н-да. Все, что я слышала о своем будущем муже – это то, что он был невыразимо прекрасен, как Светлый лес в лучах восходящего солнца. Воображение спешно дорисовало недостающие детали портрета: высокий лоб, миндалевидные глаза чистого зеленого цвета, опущенные густыми золотистыми ресницами, нежный румянец на фарфоровых щеках, красиво очерченные губы. Наверняка ни бороды, ни усов Эльфир не носил – а вот длинные, ниспадающие волнами кудри цвета спелой пшеницы – это пожалуйста. Ну, и миленькие острые ушки, выглядывающие из-под непокорных прядей.

«Всевышний, и как мы будем с ним выглядеть вдвоем, когда пойдем к алтарю?»

Я зажгла две свечи, поставила их на стол – драгоценностям пришлось потесниться – и взялась за зеркало. Из мутноватых глубин на меня печально взглянула бледная и взлохмаченная особа с припухшими от недавних слез веками. Я пригладила пальцами волосы, попыталась улыбнуться – вместо величественной улыбки будущей королевы эльфов получился злобный полубезумный оскал.

«Нет, так совсем никуда не годится».

Поднявшись, я добралась до кувшина с водой, поплескала себе в лицо. Затем слегка пощипала щеки и губы, чтобы кровь прилила – а в довершение ко всему достала щетку и расчесала волосы, так, чтобы они локонами рассыпались по плечам.

Зрелище получилось вполне сносное: теперь девица в зеркале выглядела не столь измученно, золотистые искорки прыгали в тяжелых каштановых прядях, огоньки свечей отражались в больших темных глазах. На самом деле глаза у меня карие, но ночью кажутся почти черными – так уж получилось.

Я ухмыльнулась отражению, пытаюсь придумать *обольстительную* улыбку. Все дело в том, что в моем замке и окрестностях обольщать было некого; Этьен – тот и вовсе не нуждался в подобных женских хитростях. Вот и приходилось тренироваться перед зеркалом. Эльфы – они народ утонченный, а уж король эльфов – наверняка самый изысканный из всех...

И тут в дверь осторожно постучали.

– Агнесса, детка, к тебе можно?

Голос матушки слегка дрожал.

Это было плохо, очень; я вдруг представила, что она сейчас войдет, вся заплаканная, обнимет меня, в последней попытке защитит от всевозможных неприятностей, который так и норовили свалиться на мою голову – и тогда... Уж точно мы просидим, рыдая, до рассвета.

– Входи, мама.

Я не стала гасить свечи, только зеркало убрала.

Дверь распахнулась, и в комнату, подобно маленькому урагану, ворвалась моя дорогая родительница. К моему вящему удивлению, на ее круглом личице, не было и следа пролитых слез – одно довольство.

Матушка еще не успела раздеться на ночь, на ней было привычное серое платье и ажурная шаль цвета морковки. Голову украшал белый накрахмаленный чепец, из-под которого выбивались упрямые кудряшки и падали на лоб, а матушка сердилась и постоянно дула на них, чтобы не мешали.

– Дорогая! – она порывисто прижала меня к пышной груди, – я так рада за тебя! Так рада!

– Мм... – неопределенно промычала я. Похоже, все они были в сговоре: и папа, и мама, и сестрицы, возжаждавшие подарков.

Матушка расцеловала меня в обе щеки, усадила на край кровати – а сама, шелестя юбками, принялась энергично расхаживать по спальне.

– Это такая честь для всех нас, выдать тебя замуж! – бодро произнесла она. Слова сыпались как горошины, – благодарю Всевышнего за такую-то милость!

– Ты так хочешь выдать меня замуж, что готова отправить даже к эльфам? – осторожно поинтересовалась я.

Мама на секунду остановилась и посмотрела на меня оценивающим взглядом. Затем пожала плечами.

– Дорогая, если бы ты имела шесть дочерей, о чем бы еще ты думала?

Воцарилось молчание.

Наверное, мама была права.

– Ну, лапонька, не раскисай, – она потрепала меня по плечу, – подумай сама. Что бы ты имела, останься здесь? Вот это серенькое платьице, старые башмаки и какого-нибудь плохонького мужа из соседей. Лет через десять у тебя был бы выводок босоногих ребят, и ты бы мечтала о магическом посудомоечном механизме. В конце концов спящих принцев не хватает на всех, уж ты-то должна это понимать. А так – у тебя будет все, что только пожелаешь. Экипажи, туалеты...

Тут ее фантазия иссякла, и матушка умолкла.

– Папа сказал, *почему* я должна выйти замуж за эльфа, – пробормотала я.

– Сказал? Тем лучше, – она решительно махнула рукой, – но вообще-то я пришла поговорить с тобой не об этом.

Это было сказано столь значительным тоном, что я протестующе замотала головой.

– И не *об этом*, – грозно сверкнув очами, молвила матушка.

Ее рука ловко нырнула в карман передника, а через мгновение передо мной на толстой цепочке блеснул золотой медальон.

– Что это? – я подозрительно уставилась на вещицу. Под ребрами сладко кольнуло, словно в предвкушении древней и страшной тайны, которая могла крыться в самой обычной драгоценности. – Я никогда его не видела раньше.

– Открой и посмотри, – загадочным тоном, который я терпеть не могла, молвила мама.

На ощупь он оказался холодным – слишком холодным даже для металла. Я поднесла золотой круг к свету, нажала крошечную пружинку и уставилась на собственный портрет.

Ох, все-таки не совсем на собственный. Но сходство было ошеломляющим.

\* \* \*

Каждая семья имеет свою, пусть и очень маленькую – но тайну. Вот, например, наши соседи, граф и графиня. Считалось, что в юности женушка нашла своего будущего супруга в страшном, затерянном в лесу замке – да к тому же, в образе ужасного чудовища. Полюбив пугало за добрый нрав и благородство души, она вышла за него замуж, чары рассеялись, после чего счастливая чета перебралась жить в наше королевство. Год тому назад графиня свернула себе шею, упав с лошади. Граф, как водится, не перенес горя и запил – тут-то и поползли из облюбованной им таверны странные слухи. Якобы вовсе не он был чудовищем, а его покойная супруга, и что именно его любовь сняла злые чары. Кто-то наивно спросил, мол, зачем же вы, граф, женились на страшилище? Ведь столько невест было вокруг, да одна краше другой. Несчастный только пожал плечами – «А попробовал бы я тогда на ней не жениться!»

Или, вот, другое семейство. На вид – люди как люди.

Они выглядели любящими супругами ровно до тех пор, пока не появились в наших краях королевские гвардейцы и агенты из службы тайного сыска. Потом баронская чета исчезла бесследно, а по всей округе вновь поползли зловещие слухи о том, что сам барон был оборотнем, обожающим глотать окорочка невинных девиц, а возлюбленная его – знаменитой разбойницей в Алом Плаще. Когда-то, еще до моего рождения, они случайно встретились в лесу; боевитая деваха оказалась не по зубам оборотню – и тем самым навсегда пленила его зачерствевшее волчье сердце. Честно говоря, я никогда не понимала, как можно без малого два десятка лет прожить бок о бок с чудовищем, которое не переставало изредка баловать себя нежным мясом девственницы. Но раз уж знаменитая Дама в Алом Плаще предпочла его всем прочим ухажерам, наверное, что-то было в этой постоянной близости к убийце.

И теперь вдруг выяснилось, что в нашей ничем не примечательной семье тоже есть своя тайна. Вне всякого сомнения, тайна страшная и леденящая кровь.

Я еще раз осмотрела медальон. Миниатюра была выполнена мастерски, девушка – которая все-таки оказалась не мной – выглядела как живая. Бледная кожа, томный взгляд черных глаз, надменный взлет бровей. Губы – полные, яркие и, надо думать, располагающие к поцелуям. Само воплощение порока.

Вопросительно смотрю на матушку. А она, как ни в чем ни бывало, мурлычет:

– Девочка моя, я передаю эту драгоценность тебе. Носи при себе эту древнюю реликвию, предание гласит, что когда-нибудь она спасет тебе жизнь.

– Предание?!!

Мне вдруг стало жутко любопытно: если бы я не выходила замуж, пожелала бы моя родительница открыть этот маленький семейный секрет?

– Ну да. Всевышний, разве я тебе ничего не рассказывала?

– Кто это? – я требовательно ткнула пальцем в надменную красотку, – ведь это не я в своей позапрошлой жизни?

– Ну, этого никто не знает, – сварливо заметила мама. Уперла руки в бока и воинственно посмотрела на меня, – надеюсь, ты не будешь со мной пререкаться?

– Не буду.

Я вдруг совершенно успокоилась. Положила медальон на стол и уселась на кровать.

– Расскажи, что за скелеты хранятся в старом семейном шкафу.

Услышанное мной оказалось простым и неинтересным до безобразия. В медальоне был всего лишь портрет какой-то прародительницы, которую взял замуж какой-то прародитель моей мамы. В общем, он женился на девушке бедной, почти что на нищенке – а почему – этого никто не знал. Но вот только пошло, перекатываясь из поколения в поколение, странное поверье, что нежить не смеет прикоснуться к потомкам изображенной на миниатюре леди.

– Я это тебе на тот случай рассказала, чтобы ты не боялась монстров при дворе короля Эльфира, – и матушка заговорщицки подмигнула, – да о тебя любой упырь зубы переломает!

– Мама! – я выразительно взглянула на нее, – не предрекай лучше...

– Знаю, знаю, – она вспорхнула с кровати и устремилась к двери, – но ты все-таки носи медальон при себе. А еще лучше – не разгуливай ночами по королевскому дворцу.

– Да, мама, – я покорно кивнула. Чем спорить, было куда проще согласиться.

Задержавшись на пороге, матушка добавила:

– На ночь закрывай окно, повесь в изголовье венки из чеснока.

– Правильно, пусть супруг насладится изысканным ароматом, – пробормотала я.

– Что ты там бурчишь? Не делай так в присутствии короля, это, в конце концов, невоспитанно. Все-таки ты принадлежишь к старинному и знатному роду.

... Потом она удалилась. И я снова осталась одна в окружении шикарных платьев, драгоценностей и странного медальона. Но – как выяснилось несколько позже – веселая ночь только начиналась. Правда, я об этом еще не догадывалась. Повздыхав, и задумавшись – а отличаются ли поцелуи эльфов от поцелуев людей, я стянула через голову платье, нырнула в ветхую сорочку и, сдвинув подарки в изножье кровати, полезла под одеяло. Завтрашний день обещал быть наполненным предсвадебной суматохой – а потому следовало выспаться.

\* \* \*

Мне успели присниться вампиры. Они окружали меня толпой, все, как на подбор, белолицые и черноволосые, тянулись ко мне костлявыми пальцами и злобно подвывали «хотим-хотим-хотим». Что именно они хотели, я так и не смогла понять, как ни старалась. А затем вдруг проснулась – и явственно ощутила, как шевелятся волосы на макушке.

Потому что... потому что разбудили меня невнятный шорох и поскрипывание половиц. Кто-то большой медленно и очень тихо двигался по моей спальне.

Я осторожно глянула из-под ресниц: в разлитом по полу лунном свете ползла угловатая тень. От ужаса во рту пересохло, горло сжалось – не то, что закричать, я даже пискнуть не могла.

А некто, забравшийся через распахнутое окно в спальню, подбирался все ближе и ближе.

Вор? Но ведь всем известно, что уж где-где, а в родовом замке Лив искать нечего. Убийца?! Но кому, кому я могла помешать? Разве что чересчур ревнивая эльфийка, прознав о предстоящем пополнении гарема, решила избавиться от очередной соперницы?..

Тень остановилась. Подняла большие руки с длинными и в обманчивом свете корявыми пальцами.

– Агнесса, ты спишь?

Я истерично хихикнула. И пожалела, что не храню под кроватью дубины, которой не мешало бы сейчас огреть незваного гостя.

– Ты что здесь делаешь? – прошипела я сквозь зубы.

– Я...

И вдруг, обхватив руками голову, Этьен расплакался.

– Прекрати, – возмущенно зашикала я, – сестер перебудить! Или ты хочешь, чтобы накануне свадьбы в моей спальне застали мужчину?

– Ы-ы-ы-ы!

– Да что ты вообще себе позволяешь? – я выбралась из-под одеяла, прошлепала босиком по холодному полу и остановилась рядом с горестно подвывающим Этьеном, – какого упыря ты вообще сюда влез?!!

Он заморгал на меня добрыми глазами и принялся громадным кулаком растирать по лицу слезы. Я на всякий случай потянула носом – Этьен был совершенно трезв.

– Агнессочка!

Он умоляюще сложил руки.

– Что? – я холодно ждала продолжения, разглядывая своего деревенского ухажера. Приходилось задирать голову, потому как он возвышался надо мной подобно смотровой башне.

– Возьми меня с собой, – едва слышно выдохнул Этьен и всхлипнул.

Та-ак. Понятно. Наверное, бедняга спятил – именно к этому выводу я пришла. Одно дело, когда человек несет подобную околесицу надравшись до состояния бревнышка, и совсем другое – если излагает такие мысли на трезвую голову.

– Нет-нет, ты не поняла! – забубнил он и принялся хватать меня за руки, – ты не поняла, Агнесса! Я-то знаю, что мне никогда не быть твоим мужем, но отец меня не отпустит...

– Куда не отпустит? – мой голос источал доброту и сострадание. В конце концов, с сумасшедшими надо говорить спокойно и ласково, чтобы не разозлить ненароком.

– Путешествовать!

– Угу, – вздохнула я, – да, конечно, Этьен. Я понимаю. Давай-ка ты все-таки вернешься домой, и мы поговорим утречком. Время-то позднее...

И тут случилось то, чего я подсознательно опасалась: Этьен грохнулся на колени и мертвой хваткой вцепился в подол сорочки. Старый и вытершийся от стирок батист угрожающе затрещал.

– Ну пожалуйста, Агнесса! Возьми меня с собой, к эльфам!

Я покрутила пальцем у виска и предприняла слабую попытку вырваться, но Этьен впился в многострадальный предмет одежды подобно клещу.

– Понимаешь, я хочу побывать и в других землях, – сбивчиво начал он, – а папаша спит и видит, как бы перепоручить мне мельницу. Сбежать самому? Но я не воин, и в первом попавшемся лесочке меня оберут до нитки. Так вот я и подумал... Агнесса, возьми меня с собой! Я тебя буду слушаться, клянусь, и слова поперек не скажу... Только возьми, а?

Ситуация складывалась настолько интересная и – как бы выразилась матушка – пикантная, что я невольно улыбнулась. А что, вот возьму и отправлюсь к королю эльфийскому с собственной прислугой! Только вот...

– Мм... Этьен...

– Да? – он взирал на меня, словно на образ Всевышнего.

– Боюсь, королю Эльфиру не понравится, что я притащила с собой молодого мужчину.

– И он отправит меня обратно? – вконец расстроился парень.

Он наконец выпустил сорочку и, ссутулившись, так и остался стоять на коленях. Ну вот, пропади все пропадом. Дожились. Ночью в моей спальне молодой мужчина. Казалось бы, предел мечтаний. Ан нет, смотрю я на него и думаю... думаю...

– Пожалуй, я знаю, что мы сделаем, – тоном, не обещающим ничего хорошего, произнесла я, – но обещай, что не будешь мне палки в колеса ставить... Ну, в смысле, мешать любезничать с королем эльфов.

Этьен, глазом не моргнув, пообещал. Думаю, что он был готов и на более страшные жертвы – например, голым обмазаться сметаной, прыгнуть в муку и после этого бегать по деревне. Я нарочито медленно зевнула, потягиваясь. И сурово приказала:

– Раздевайся.

\* \* \*

– А-а-а-а! У-у-у-у-у! – стонал Этьен.

– Сам напросился, – назидательно прокомментировала я, – лежи, не дергайся!

– Ы-ы-ы! Не надо, а?

– Надо! – тяжело дыша, заверила я, – иначе останешься дома...

– О-о-о-о! – в голосе Этьена подозрительно захлопали слезы.

– И это только начало! – с воодушевлением комментировала я, – терпи!

Он лежал на полу. А я, упираясь коленкой в мускулистую мужскую спину, изо всех сил пыталась затянуть корсет. Конечно, до идеальной талии было далеко, но должна же я придать громоздкой фигуре крепыша чуточку женственности?

– Все, – я отвалилась от жертвы, словно насытившийся упырь, – вставай. Примерь вот платице.

– Агнесса, – обиженно засопел Этьен, – а мы никак не можем по-другому, а? Ну какая из меня девица?

– Плечистая, – без промедления ответила я, – вот тебе и парик.

Последний выудили из старого сундука матушки. Сейчас он походил на паклю, но его можно было помыть, расчесать – и Этьен уже был обеспечен замечательной рыжей шевелюрой.

– Мне дышать тяжело, – посетовал он, – обязательно на себе этот каркас носить?

– Боюсь, что да.

Я придирчиво осмотрела его: девица получилась знатная. И ростом удалась, и статью. Платье коротковато, но это не страшно, пришьем оборку. Только вот...

– Ты до безобразия волосат, – я задумчиво почесала затылок, – это придется исправлять.

– А это больно?

Я сочувственно хлопнула его по плечу.

\* \* \*

Утро застало нас в постели. Измученный Этьен спал сном невинного младенца, заняв при этом почти всю кровать – так что мне пришлось оставшиеся часы до рассвета ютиться на свободном уголке, которого явно не хватало для комфортного отдыха. Я пробовала подвинуть свою будущую служанку, но Этьен каждый раз попросту переворачивался на другой бок и жалобно бормотал «ой, Агнессочка, ну хватит, не надо больше!» Так что, когда по восточному краю неба разлился малиновый сироп зари, я отчаялась и отправилась к кувшину и тазу умываться.

Поплескав в лицо холодной водой с запахом роз, я почувствовала себя бодрее. Затем быстро оделась, нырнув в свое серенькое платице, причесалась.

Солнце уже выкатывалось на небесные луга – этакий сверкающий кругляш, отлитый из золота в чертогах Всевышнего. Со стороны леса тянуло свежестью и молоденькой хвоей. Хорошо! И ведь наверняка в Светлом лесу не будет таких замечательных восходов, и деревья там пахнут по-другому – особо изысканно и непривычно, словно привезенные из-за моря

южные цветы. В груди снова разрасталась тоска. Ну почему, почему именно я должна ехать к эльфам? Да и к чему его величеству жена человеческого племени?

И вдруг...

– Агнесса, девочка моя, ты уже проснулась?

Громкий, требовательный стук в дверь. Я похолодела. Только раннего визита матушки не хватало!

Промычав в ответ нечто маловразумительное, я изо всех сил принялась трясти за плечо сладко посапывающего Этьена.

– Ты одета, лапушка?

– Нет! – в отчаянии взвизгнула я, – сейчас, подожди минутку! Я сейчас!

Сонно заморгав глазами, Этьен непонимающе уставился на меня.

– Агнесса? Что ты здесь делаешь?

Ага, вот вам и сюрприз. Оказывается, мой дражайший путешественник уже забыл, что находится у меня в спальне.

– Быстро! Под кровать! – хриплым шепотом скомандовала я.

В глазах Этьена отразились первые и пока что весьма сонные мысли. Он вскочил, метнулся было к окну, затем рванул обратно к постели.

– Ну все, мне надоело ждать, дорогая, – пропела маркиза де Лив и толкнула дверь.

– Не заходи! – в отчаянии крикнула я, но было поздно.

Матушка с утренним кофе застыла на пороге. Ее тонкие брови медленно поползли вверх, словно решили избрать себе новое место обитания – поближе к кромке седеющих волос. Рот приоткрылся, как будто моя дражайшая мамуля собиралась произнести звучное «О!»...

Из-под кровати все еще торчала нижняя часть Этьена, а из простых кружев белой нижней юбки выглядывали мускулистые босые ноги.

– Сейчас, сейчас, – глухо бормотал Этьен, – тесно тут...

Мама покраснела. Словно застала меня развлекающейся с отрядом рыцарей. Затем уголки ее рта скорбно опустились.

А я – я произнесла слова, которые всегда (ну, или почти всегда) говорят в подобных случаях.

– Э... Мамочка, это вовсе не то, о чем ты подумала. Клянусь!

Маркиза вздрогнула. Задумчиво посмотрела на меня – потом вновь перевела взгляд на лодыжки Этьена. Он все глубже и глубже уползал в темную щель, шумно сопя и протискиваясь между кроватью и полом.

– Это моя новая служанка! – выпалила я, спешно загораживая этьеновы пятки.

А затем, уже громко, крикнула:

– Ну что, нашла?

До моего слуха донеслось басовитое урчание.

– Вылезай, Агата, – медленно произнесла я, – раз нет, значит нет.

И, преданно взглянув на матушку, пояснила:

– Куда-то шарф запропастился. Ну, тот, белого шелка.

– Из белого шелка? – оживилась мама, – но это же твой самый лучший шарф! Хотя...

К чему он тебе теперь? Ты ведь отправляешься к королю эльфов! Честное слово, дорогая, если бы меня выдавали замуж за короля, я бы только радовалась...

Я быстро отерла пот, выступивший на лбу. Мама снова щебетала – в то время как Этьен, словно огнедышащий дракон из логова, медленно выползал из-под кровати.

А когда он наконец появился, я сполна оценила плоды своих ночных мучений.

На маркизу де Лив преданными коровьими глазами моргала рослая деваха в длинном платье из домотканого полотна. Спутанные огненно-рыжие кудри закрывали пол-лица и

колечками падали на широкие плечи, коричневые брови кокетливо выгибались, на круглых румяных щеках играли задорные ямочки.

– Это Агата, – радостно сказала я, – мне бы хотелось взять ее с собой.

Маркиза решительно поставила поднос с кофе на столик. Агата предприняла неуклюжую попытку сделать реверанс, но едва не упала, запутавшись ногами в собственных юбках.

– Агата? – мама подлетела ближе к новоявленной служанке, – дорогая, а почему я раньше не видела ее в деревне?

– Матушка... – я зашептала ей на ухо, – но ты же не будешь отрицать, что бываешь в деревне раз в десять лет?

– И то правда, – согласилась маркиза. Придирчиво оглядела Этьена и с сомнением в голосе добавила, – золотко, но мне кажется, что в поле от Агаты было бы куда больше проку... Ты только на ее ручищи погляди – разве такими руками можно сделать толковую прическу?

– Я хочу взять ее с собой! – капризно прохныкала я, – хоть одно знакомое лицо будет поблизости, среди всех этих ушастых...

При упоминании эльфов матушка снова оживилась.

– Дорогая! Вот зачем я к тебе так рано. Скорее, пусть Агата поможет тебе одеться – к нам едет делегация эльфов – и завтра утром ты отправишься к мужу! Правда, я не совсем понимаю причины спешки – ну да им виднее. Чем скорее ты уедешь в Эларию, тем лучше. У него не будет времени передумать!

\* \* \*

...И вот, я брожу по главному залу, объект поклонения для мужчин и черной зависти для женщин. На мне – шикарное платье из голубого атласа и бриллиантовый гарнитур. Любопытно, все эльфийки предпочитают наряды с таким глубоким декольте? Или это специально для меня такое пошили? Невзирая на наличие тонких бретелей и совершенно прозрачных рукавов платье мое не падало исключительно из-за восхищенных взглядов представителей сильного пола.

Всем приглашенным весело. Эльфийские вина льются рекой, хищно звякают столовые приборы. В камине, специально разожженном ради такого случая, на вертеле жарится свинка.

Я отпиваю немного из своего бокала. Что ж, так всегда бывает: когда окружающим весело, никто не заметит твоей грусти, а если и заметит, то сделает вид, что его внимание привлекло нечто другое – лишь бы долго в глаза не смотреть.

Потру меня здесь уже не будет. Красивая золоченая карета увезет меня далеко-далеко, к мужчине, которого я никогда не видела, но которому суждено быть моим супругом. Что ждет меня там?..

Не знаю.

Темно-рубиновое вино в бокале чуть горчит, а на душе и без того горько и безнадежно. Все тот же вопрос не дает покоя – почему именно я? Неужели мало более подходящих невест? Или есть что-то, чего я не знаю?

Я остановилась, прислонившись к колонне, и искала глазами родителей. Маркиз и маркиза де Лив оживленно болтали с белокурым и голубоглазым эльфом, отец отчаянно жестикулировал, мама кокетливо обмахивалась веером из облезших за давностью лет павлиньих перьев. При дворе ее бы на смех подняли, но на лице эльфа написано только уважение и еще чуть-чуть усталости. Видно, что ему порядком надоела вся эта предсвадебная суета.

А дальше?

Мое внимание привлекает очень красивая пара, они прибыли с делегацией. Мужчина невысокий, поджарый, словно матерый волчище. Яркие голубые глаза, льняные волосы, короткая ухоженная бородка (напоминающая трехдневную щетину, и оттого еще более пикантная). Алый камзол сидит как влитой, вызывающе блестят золотые пряжки на сафьяновых голенищах сапог. Его спутница – миниатюрна и шикарна. Платье цвета спелых вишен, россыпи рубинов в темных волосах и по корсажу. Кожа – чересчур смуглая для благородной дамы, но это ничуть не смущает красавицу: декольте ее платья, кажется, еще глубже моего.

«Не эльфы», – подумала я, – «Но кто же тогда? И что делают среди подданных Эльфира?»

И смущено опустила глаза, осознав, что эта великолепная парочка двигается в моем направлении. Теперь наверняка решат, что я дурно воспитана, раз позволяю себе так пялиться на гостей.

– Мы счастливы удостоиться внимания будущей королевы, – пропела женщина, приседая в реверансе. Мужчина молча и сдержанно поклонился.

– Я рада приветствовать вас на моей... гхм... свадьбе, – пролепетала я.

– Меня зовут Альберт, – представился голубоглазый красавец, – а это моя сестра Эвелина.

Вот так. Просто Альберт и Эвелина. Ни титулов, ни фамилий.

– Я – Агнесса, – совсем смутившись, пробормотала я.

Ох, учиться и учиться мне искусству ведения светской беседы!

– Мы здесь, чтобы охранять вас, – уверенно добавила Эвелина, – невзирая на те странные события при дворе его величества Эльфира, король Светлого леса пожелал, чтобы никакие опасности не угрожали его сто первой супруге.

Я с сомнением оглядела хрупкую фигурку. Охранять, хм... Положим, я еще могла представить Альберта в роли телохранителя, но Эвелину?..

– Дорогая, – мягко сказал ее братец, – ты совсем забыла пояснить, что мы – одни из лучших стражей спокойствия. Из Некрополиса.

– Ах, да, – улыбнулась Эвелина, – мы оборотни.

И ее темно-карие глаза сверкнули алым огоньком.

В этот миг я услышала, как за спиной кто-то тихо ойкнул. Взгляд Эвелины метнулся за мою спину, она плотоядно облизнулась – а затем, быстро поклонившись, скользнула в толпу изрядно поднабравшихся эльфов. Оглянувшись, я увидела свою Агату – аккуратно причесанную, в новом платье с белоснежным передничком и с буйными рыжими локонами, частично убранными под скромный чепец. На веснушчатых щеках играл пунцовый румянец.

– Мое почтение, – ухмыльнулся Альберт и, раскланявшись, последовал за сестрой.

А я, ущипнув Этьена за локоть, зашептала:

– Ты что здесь делаешь? Ты должен укладывать сундуки!

– Оборотни! – с присвистом повторил он, все еще глядя вслед стражам спокойствия, – она... она...

– Тьфу, да что с тобой? – я заботливо похлопала его по щеке, приводя в чувство, – ну, подумаешь, оборотни. И что с того? Их отрядил король эльфов, чтобы они охраняли меня.

– Я и это слышал, – замогильным голосом ответил Этьен, – увы...

– Они не сделают тебе ничего дурного! – я начинала злиться. И надо было связаться с таким болваном, которого и с места не сдвинешь без его на то желания?

– Ыыы, – выдавил Этьен, – мне кажется, та женщина... Она меня разгадала.

– Не мели чепухи, – я придирчиво оглядела его. Может быть, с пудрой я и переборщила, зато и намек на вечно лезущую щетину не видно.

– Она знает, что я не женщина, – обреченно захныкал Этьен, – ох, Агнессочка... Может, мне лучше остаться?

– Ну уж нет. Отправляйся в комнату и жди там.

Я решительно отвернулась и с самым беспечным видом направилась к столу, чтобы отщипнуть кисточку винограда.

«Так вот они какие, оборотни», – крутилась в голове мысль, – «совсем не похожи на того, которого наши крестьяне разделали».

Та несчастная жертва, поднятая на вилы, в людском облике была хлипким мужичком в лохмотьях.

– Агнесса!

Ну, вот еще... Аурелия, размазывая по мордашке слезы, дергает за юбку.

– Что?

– Сестренка, сестренка, – прошептала она, – скажи, а тебе не боязно ехать к эльфам?

Мда. Ответить честно на этот вопрос означало признаться в собственных страхах. Но я не стала юлить. Наклонилась и поцеловала ее в мокрую щеку.

– Ты знаешь, мне очень, очень страшно на самом деле. Но я надеюсь, что со мной не случится ничего плохого, а вы будете приезжать ко мне погостить. Так что не плачь, милая, не плачь.

\* \* \*

Прощание с семейством де Лив было недолгим: несколько скупых слезинок в шерстяной рукав матушки, вежливый поцелуй от отца. Сестрицы рыдали в три ручья, но, пожимая руки, громким шепотом напомнили о подарках, которые я обещала слать ко дню рождения каждой.

– И не забудь пригласить нас в гости! – Эльвира тайком ущипнула меня за локоть, – радуйся, дурища, что будешь жить в настоящем дворце, а не среди графских развалин.

– Маркизских, – я шмыгнула носом и украдкой вытерла слезы. Прощания всегда производили на меня крайне угнетающее впечатление.

– Да какая разница?.. – надулась Эльвира.

... И я покинула свой родовой замок, направляясь к златокудруму и зеленоокому супругу. Нас с Этьеном – то есть Агатой – усадили в роскошную позолоченную карету, на мягкие диванчики с вышитыми шелковыми подушками. Тут же выяснилось, что Этьен уселся на коробку шоколадных конфет, которые должны были скрасить мою дорогу к мужу. То, что осталось от конфет, достали – но то ли коробка оказалась слишком хлипкой, то ли седалищная часть Этьена отличалась упругостью и жесткостью – часть шоколада пришлось соскребать с васильковой юбки моей служанки.

– И на что это похоже? – сконфузился Этьен. Его лицо при этом обрело оттенок молоденькой свеколки.

Придерживаясь за обитые шелком стенки, он все пытался извернуться и оглядеть урон, причиненный платью.

– Похоже на то, что мы остались без сладкого, – съехидничала я, – стой, не крутись так... Сейчас...

Еще одно-единственное мгновение – и мне бы удалось носовым платком оттереть синюю тафту, но... Именно в этот, самый важный миг, карету тряхнуло на ухабе. Этьен не удержался и с воплем «ой, прости, Агнессочка!» полетел в мою сторону, безуспешно пытаясь за что-нибудь уцепиться и мимоходом сгребая меня в охапку.

– Осторожнее, платье! – успела пискнуть я.

Меня и правда беспокоило, что неуклюжий Этьен запросто испортит мой изумительный, непомерно дорогой туалет.

В результате получилась куча-мала, состоящая из десятков локтей шелка, парчи и нас, беспомощно барахтающихся в оборках многочисленных юбок.

– О, Всевышний! – горестно возопил Этьен, – ну что за невезение?!!

Я совершенно случайно взглянула поверх его плеча – и почувствовала, как на переносице выступили мерзкие капельки пота.

В карету с интересом заглядывала Эвелина, которая ехала верхом.

Она по-королевски, с легким презрением вскинула брови и поинтересовалась:

– Ну, и что это вы тут делаете?

– Упали, – огрызнулся Этьен, – людей везете, не дрова!

Он наконец смог подняться, кокетливым жестом поправил парик и только после этого обернулся – посмотреть, кто это смеет беспокоить будущую королеву эльфов и ее верную служанку.

Еще через мгновение Этьен побагровел. Потом побледнел. И, дрожа осиновым листочком, присел на краешек своего дивана, подальше от окна.

– Я передам, чтобы дорогу лучше выбирали, – Эвелина смотрела на него долгим нежным взглядом. Как кот на миску свежайшей курятины. Или как волк на молоденького барашка.

Этьен молча взирал на нее. А затем потупился – и принялся разглядывать остатки шоколада на полу.

– Будь так любезна, передай, – пришла я на выручку, хотя мне и самой хотелось скромно опустить глаза.

Ибо увиденное повергло меня в крайнее смущение. И перевернуло с ног на голову мое представление не только о боевых доспехах, но и о моде при дворе Эльфира вообще.

Представьте себе смуглую красавицу с темными, как переспелая вишня, глазами, с пунцовыми порочными губами и распущенными по плечам каштановыми волосами. Представили? Замечательно. А теперь добавьте к получившемуся образу то, что вместо обычного платья – ну, или хотя бы обычных боевых доспехов, какие полагаются стражам королевы – на ней не было почти ничего. За исключением пары металлических пластинок на крупных цепочках, кое-как прикрывающих роскошный бюст, да двух кольчужных треугольников двойного плетения, позвякивающих там, где должны находиться дамские панталоны. Вся эта прелесть была почему-то оторочена волчьим мехом, а за спиной в ременной петле дремал внушительного вида фламберг, размером едва ли не с саму Эвелину.

Я задумалась о том, как мог вырядиться в дорогу Альберт. Не буду скрывать, мне стало вдруг интересно поглядеть на сильную половину стражей спокойствия.

А, вот и он сам!

– У вас тут все в порядке? – мягкий, завораживающий голос шикарного мужчины.

Я не сдержала разочарованного вздоха: этот красавчик, как назло, был с головы до ног упакован в мышастого цвета одеяние. Невзирая на теплую погоду, крепкие плечи укрывал плащ из волчьих шкур.

– Да-да, конечно, – проворковал Этьен и обольстительно улыбнулся.

Хм. А я так и не отрепетировала, как следует улыбаться королю светлых эльфов.

...Дальше ехали без приключений. Я смотрела в окно на проплывающие мимо поля, на знакомую с детства двугорбую гору с парой лысоватых вершин. Рощи были окутаны зеленым дымом распускающейся листвы, кое-где в овражках собирался реденький туман. А в небе уже проклюнулась половинка луны... Так часто бывает, еще день – а она, вестница ночи, уже поджидает в нетерпении того часа, когда обретет силу тьма.

Мимо кареты, в авангард отряда, лихо пронесся Альберт на вороном коне. Эвелина – все в том же облачении – элегантно прогарцевала мимо, но затем вернулась и жеманным тоном придворной спросила:

– Как вы находите путешествие, дорогая?

– Э... Прекрасно, прекрасно, – я все никак не могла привыкнуть к столь щедрой демонстрации обнаженного тела. Впрочем, эльфы не только не возражали – но, похоже, даже не слишком-то удивились. Может, в Светлом лесу принято так одеваться?

Разговор, так и не начавшись, увяз в молчании. Эвелина продолжала с подозрением поглядывать на Агату и хитренько улыбалась. Меня так и бросило в холодный пот – а вдруг догадается? Или уже догадалась? Чтобы как-нибудь отвлечь ее от Этьена, я торопливо пробубнила под нос:

– Ума не приложу, зачем король пригласил вас для охраны кортежа? Разве у его высочества нет хороших воинов?

Взгляд Эльвиры нехотя соскользнул с порозовевшего Этьена и остановился на моем лице. С минуту она молчала, затем сухо произнесла:

– Отчего вы спрашиваете? Разве мы – помеха? Или в вас говорит старая нелюбовь человека к обитателям Некрополиса?

– Нет! – почти выкрикнула я. Не хватало еще обидеть эту девицу. – Я просто подумала...

Внезапно Эвелина наклонилась в седле – так, что ее лицо оказалось совсем близко от моего.

– Странные вещи происходят у эльфов, – быстро сказала она, – и мы здесь в самом деле охраняем вас. Потому что смотрим на мир другими глазами нежели эльфы или вы, люди. И мы можем заметить то, что ускользнет от прочих.

– А что там... творится, у эльфов? – я вдруг ощутила, что в груди появилось нехорошее ощущение нависшей опасности. Словно ледышка перекатывалась под ребрами.

– Значит, вы не знаете, – с лицемерным сочувствием вздохнула Эвелина, – кто-то повадился убивать послы Королевства Всех Людей.

Этьен, который сквозь стук колес и лошадиных копыт услышал окончание нашего разговора, тихо ойкнул.

– Однако... – взгляд девицы-оборотня переполз на него, – я не сомневаюсь, что с такой служанкой вас минуют любые беды.

И, широко улыбнувшись, Эвелина стегнула коня.

– Она знает, кто я, – упавшим голосом сообщил Этьен.

– Думаю, она будет помалкивать.

Отчего-то появилась у меня такая уверенность.

\* \* \*

... Мы тряслись по ухабам всю ночь, а наутро въехали в Светлый лес, владения моего будущего мужа Эльфира. О том, что граница осталась позади, мне соизволил сказать Альберт – иначе я бы ни за что не догадалась. В конце концов, вплоть до этого дня я была уверена: эльфийское королевство находится не меньше, чем в трех седмицах езды от поместья де Лив. И лес за окном кареты был все тот же – молодая еловая поросль, осинки, кое-где мелькали белые в черных насечках стволы берез.

Я поделилась своими сомнениями с красавцем-оборотнем. Тот пожал широкими плечами и, демонстрируя острозубую улыбку, пояснил:

– Эльфам известны лесные коридоры. Если ехать обычной дорогой, то путь занял бы не меньше месяца.

Вот так. Оказывается, повсюду уже было самое настоящее волшебство, а я ничего не заметила.

Альберт ускакал вперед – только тяжелые полы плаща развевались и хлопали как совиные крылья.

– У-у, гад, – донеслось бормотание Этьена, – Всевышний, и зачем я решил убежать?

На веснушчатом и тщательно напудренном лице было написано страдание. Из-под слоя грима жизнерадостно пробивалась рыжая щетина.

– Теперь уже поздно, – я извлекла из сумочки две шпильки и вышитый платок, – подумай лучше о том, что теперь ты увидишь эльфов и побываешь во дворце Эльфира.

Этьен только нахмурился и жалобно сказал:

– Оборотни меня раскусили. Особенно эта, бесстыжая, что голой разъезжает. Наверняка ждет меня плаха... Ведь возомнят себе невесть что.

Я не знала, как его успокоить, и потому промолчала. Только заколола платок, так что теперь над кружевной каймой светились зеленью глаза Агаты, а нижняя часть лица оказалась надежно скрытой от любопытных эльфийских глаз.

А карета тем временем катилась и катилась, вздрагивая на кочках и похрустывая ресорами, с каждым мигмом приближаясь к королевскому дворцу. Что ждало меня – вернее, нас – там?

Я откинулась на подушку и, сквозь ресницы глядя на проплывающие мимо деревья, попыталась представить себе, каким будет свадебный обряд эльфов.

Как и прежде, будущий супруг представлялся мне златокудрым и зеленоглазым, с фарфоровой кожей без изъяна и красивыми холеными руками. Сто его жен в моем воображении предстали идеальными шеренгами, ровно десять по десять эльфиек – таких же светловолосых и зеленоглазых. Разве что Эльфир был облачен в элегантный камзол цвета морской волны, а эльфийки – в полупрозрачные балахоны. Я и сама не знала, почему мысленно я одела их в столь странные наряды, но ничего не поделаешь. Нас сизмальства потчевали рассказами про *лесных дев в воздушных одеяниях*.

И вот – свадьба состоялась. Под раскидистым дубом нас объявили мужем и женой, Эльфир увозит меня на белоснежном коне, легко придерживая за талию. Я ощущаю тонкий аромат фиалок, исходящий от него, чувствую, как бережно прижимает он меня к себе, слышу, как шепчет слова любви... А затем мы остаемся наедине. В прекрасной комнате с огромной, по-королевски огромной кроватью. Эльфир смотрит на меня с пониманием и безграничным обожанием, его глаза – все равно что пара великолепных изумрудов.

– Наверное, именно тебя я ждал столько лет, – говорит король.

Я краснею – не привыкла выслушивать столь изысканные признания в любви.

...Но в этот миг двери открываются – и, чеканя шаг, в нашу спальню начинают входить остальные жены, одинаковые фарфоровые куколочки с длинными золотыми локонами.

– Агнесса! Агнесса!

Кто-то грубо тряхнул меня.

– А? Что?! – я в ужасе огляделась.

Эльфийки испарились, как и полагается лесным девам, а надо мной нависало встревоженное лицо Этьена, до самых глаз скрытое под ажурным платочком.

– Ты задремала и тебе приснился дурной сон, – печально сказал он, – что тебе снилось?

– Моя первая брачная ночь, – яростно буркнула я, усаживаясь. Спину ломило, шея затекла от неудобной позы.

– Ты думаешь, все будет так ужасно? – искренне огорчился Этьен, а мне захотелось его придушить.

– Надеюсь, что нет, – я процедила это сквозь зубы и отвернулась.

Мне на самом деле было страшно – от неизвестности. И еще оттого, что мне предстояло быть сто первой женой эльфа. Хм. Еще неясно, что больше пугает – перспектива выйти замуж за жителя Светлого леса – или же перспектива быть сто первой его супругой. Как на

меня будут смотреть эльфийки? Ведь я для них чужая, я – всего лишь человек. А вдруг мне и словом будет не с кем переброситься? И как же хорошо, что я везу с собой Этьена!..

Но мои размышления бесцеремонно прервали. В карету заглянула Эвелина, добродушно ухмыльнулась и объявила:

– Нам навстречу выехало самое главное лицо этого королевства. Скоро у вас появится возможность с ним познакомиться, так что – самое время припудриться и поправить прически.

О, Всевышний. Навстречу выехал мой супруг!

Наверное, я заметно побледнела, потому что улыбка Эвелины стала гораздо шире. Зубы у нее были великолепные, крепкие, белые – такими и кости можно грызть, – «Что она, вероятно, и делает время от времени, когда наступает полнолуние».

– Это не Эльфир, моя королева. Своего мужа ты увидишь только во дворце.

– Но...

Красавица весело рассмеялась и подмигнула Этьену – отчего тот побледнел и с тихим вздохом поспешил отодвинуться от окна.

– Скоро вы все увидите, – она развернула скакуна и унеслась вперед, словно беспощадный дух войны.

– Интересно, о ком она говорила? – я озадаченно посмотрела на Этьена, – кто, если не король, может быть самым главным лицом королевства?! Разве такое бывает?

...Наблюдая, как в карету втискивается нечто огромное, разряженное в пух и прах и украшенное обилием бантов, я молча прикидывала, кем может приходиться королю эта особа. Королева-мать? Но почетная гостья наша не принадлежала к народу светлых эльфов. Главная жена Эльфира? Но... Если это так, стоило посочувствовать моему будущему мужу, одновременно тихо завидуя мастерству дворцовых поваров, которым удалось прекрасную эльфийскую деву раскормить до таких внушительных размеров.

Между тем бледно-голубые рюши и ленты подобно сказочному чудовищу продолжали заполнять внутреннее пространство кареты. Вплыло розовощекое лицо, не хуже глашатая объявляющего всем и каждому о железном здоровье сей благородной леди. На полных, накрашенных ярко-алой помадой губах играла добродушная, но чуточку снисходительная улыбка. В маленьких ореховых глазках плавало выражение несомненного превосходства – не только надо мной – но и вообще над кем бы то ни было, включая самого Эльфира.

Я дождалась, когда утихнет душераздирающий скрип сминаемых диванных подушек, еще раз оглядела даму. Видом своим она напомнила мне праздничный торт, который мне довелось лицезреть и, увы, совершенно не попробовать, на городском празднике Сбора Урожая.

– Девочка моя, – пророкотала гостья, – тебе уже сказали, *кто я?*

Пришлось изобразить смущение.

– Нет, к сожалению...

– Ах, совершенно недопустимо! – ее голос во мгновение ока взмыл от басов к сопрано, – я обязательно пожалуюсь его величеству!

И тут же, капризно оттопырив губу, добавила:

– Я Виолетта, королевский астролог!

Хм. Это многое объясняло. Даже в своей деревне я слыхала, что король Эльфир привык во всем полагаться на звезды. Здесь не было ничего странного или неожиданного – в конце концов, его народ в час первого пробуждения увидел именно их, сверкающие бриллианты на черном бархатном небе.

Виолетта окинула меня критическим взглядом, ловко извлекла из-за корсажа блокнот и карандаш, и деловито сказала:

– Ну что, милочка, приступим?

– К чему? – я бросила осторожный взгляд на Этьена, вдавленного роскошным телом королевского астролога в боковину кареты. Тот лишь предпринял попытку пожать плечами – мол, я тоже не знаю, о чем это она...

– Как это – к чему? – возмутилась Виолетта, – конечно же, к составлению твоей натальной карты, дорогуша! Я сравню ее с картой его величества и только после этого смогу сказать, подходите ли вы друг другу или нет.

– Мне казалось, что этот брак – дело уже решенное, – буркнула я.

– Быть может, быть может, – она шаловливо ущипнула меня за щеку, – но ведь для нас все важно, милочка! Пусть даже вы идеально подходите друг другу, важно еще и знать, когда королю необходимо в сто первый раз жениться, чтобы с вами было благословение небес!

Тут я поняла, что меня начинает раздражать ее бесконечные «милочка, милочка», и что через час подобного общения из кареты наверняка вынесут чье-то бездыханное тело. Виолетты или мое собственное.

– Итак, – глас астролога вновь скатился в рокошующие басы, – отвечайте, милочка, когда и где вы изволили родиться.

Почувствовав себя словно на допросе по поводу тайно съеденного сахара, я отчеканила:

– Поместье Лив, двадцать второй день месяца Урожайника.

– О! Грандиозно! – бас перекатился в сопрано и замер визгливым фальцетом, – осеннее равноденствие! Грандиозно! Вы меня просто поражаете, душенька!

– Рада стараться, – мрачно пробубнила я, – что-нибудь еще?

– В котором часу это случилось?

– Не знаю. А это важно?

В тот же миг я поняла, что буду объявлена виноватой не только в пропаже сахара из сахарницы, но и в том, что дворник плохо подмел у конюшни, и в том, что вместо веселого солнышка на небо набежала тучка.

– Вы, милочка, не понимаете, *насколько* это важно.

– Но я в самом деле не знаю, – пожалала я плечами, – если бы мы могли вернуться, я бы спросила матушку.

– Поздно возвращаться! – грянула Виолетта, – придется иметь дело с тем, что есть!

И, закусив кончик розового языка, она принялась что-то усиленно рисовать в блокноте. Этьен вытянул шею, заглянул, но только покачал головой. Бедная моя Агата попросту не понимала тех тайных знаков, которыми Виолетта покрывала лист за листом.

Наконец она оторвалась от блокнота и сердито уставилась на меня.

– Из-за того, что вы не знаете времени рождения, мне пришлось произвести дополнительные расчеты.

Мм... Мысль о бездыханном теле Виолетты казалась мне все привлекательнее, а думать о последствиях пока что не хотелось.

– И к какому выводу вы пришли? – медовым голосом пропела я, – уверена, что вы способны преодолеть эти трудности...

– Конечно же, я их преодолела, – на розовых щеках астролога появился горделивый румянец, – а теперь я вынуждена покинуть вас, милочка, и поспешить во дворец – дабы еще раз взглянуть на натальную карту его величества.

Я с облегчением вздохнула.

– Как жаль, мне было так приятно с вами побеседовать.

– Но мы еще встретимся, – Виолетта шутливо погрозила мне пальцем-колбаской, глянула в свои записи. – а вы, милочка, готовьтесь. Звезды посылают вам испытания, которые могут закончиться весьма для вас печально.

– Печально – это как?

– Ну, вы можете погибнуть, – кокетливо объявила Виолетта и принялась вылезать из моей кареты.

Стоит ли говорить, что сопровождало ее гробовое молчание?

\* \* \*

Волшебство в королевстве эльфов все-таки было. Не фениксы, воспаряющие над гнездами в облаках огненных брызг, не водяные, подстерегающие неосторожного путника – этого добра и в людских землях хватает. Волшба здесь была особенной, неуловимой и вездесущей – точно аромат спелых яблок, витающий над корзинами с этими плодами. Казалось бы – лес как лес. Те же деревья, что и у нас, те же алые капли земляники в изумрудном кружеве. А потом приглядишься – и видишь золотистые стайки цветочных фей, синицу, несущую в лапках крошечный свиток, лису с золотой цепочкой на шее, бесстрашно провожающую взглядом наш кортеж. И тогда невольно начинаешь ждать большего: горшка с золотом где радуга уходит в землю, древних воинов, уснувших на поле брани и ожидающих часа пробуждения, сказочного дракона, обратившегося прелестным юношей, чтобы завоевать сердце холодной красавицы...

Ко мне возвращалось превосходное настроение, невзирая на убийственное предсказание Виолетты. Даже если она права, и на мою голову вскоре свалятся зловещие проклятия – мы еще посмотрим, кто кого!

Этьен тоже встрепенулся. Он то и дело подскакивал на подушках, тыкал куда-то пальцем и громко шептал «смотри, смотри!»

Потом в карету залетела цветочная фея, он хотел ее поймать, но только разозлил – маленькое создание тут же наколдовало пригоршню земляничного сока. После этого васильковое платье Агаты оказалось вконец испорченным: прилипший шоколад на юбке и огромное, расплывшееся пятно на корсаже. У Этьена от обиды аж слезы на глаза навернулись, и он долго грозил огромным кулаком фее, которая, хихикая, шмыгнула в окно.

– Ничего, новое платье соорудим, – успокоила я его.

А между тем огромные кряжистые дубы впереди будто расступились – и я наконец увидела столицу.

– Ох, – сказал Этьен.

У меня не хватило духу и на это. Потому что – пусть я провалюсь к демонам – ничего более прекрасного просто не могло быть создано под этими небесами.

Итак... Представьте себе, как невидимая длань отдергивает театральный занавес, на котором небрежными мазками набросаны черные стволы дубов, крепкие ветви, опутанные изумрудной паутиной весны.

За ним – сотни... Нет, тысячи башен, тонких и толстых, высоких, похожих на иглы, и низких, формой напоминающих пузатенькую сахарницу. Кое-где видны зубчатые стены, расположенные в несколько ярусов. Парящие прямо в воздухе и ажурные, словно кружево, галереи, хитрое сплетение коридоров, соединивших башни.

Мы, люди, никогда не создавали ничего подобного – и вряд ли когда-нибудь создадим, но не потому, что чем-то хуже эльфов. Просто мы другие, и мысли в наших головах тоже крутятся по-иному. Вдобавок ко всему, каждая башня, каждый камешек в этом городе были изумительного василькового цвета, и все это великолепие сверкало в солнечных лучах, словно политое глазурию.

– Хорошо, что я не испугался и поехал с тобой, – пробормотал Этьен, – даже если меня казнят, я буду счастлив оттого, что видел это.

– Не говори глупостей, – я все еще не могла оторваться от созерцания чуда.

А сама уже думала о том, как же будет выглядеть дворец, если вокруг такая красотища? Не иначе – стены украшены алмазами, а на клумбах вместо цветов переливаются радугой изумруды, рубины, топазы... На этом мое воображение иссякло, и я стала просто смотреть в окно. Мы въезжали в город.

...Внутри все оказалось также здорово, как и снаружи. Широкие и ровные улицы были вымощены яшмовой плиткой, дома горожан – на удивление не синие, а белоснежные – пестрели ткаными занавесками. На площадях, которые нам пришлось миновать, серебрились фонтаны, а вокруг синих полированных оснований башен буйно зеленели розовые кусты. Кстати, и розы оказались особенными – я ни разу в жизни не видела цветков такого размера. Каждый бутон – алый как вечерняя зорька, желтый как солнечный зайчик, белый словно жемчужина в ожерелье – были никак не меньше моего кулака.

Мы ехали, а из домов выходили эльфы и эльфийки, махали нам вслед и кричали что-то на своем наречии, которого я не понимала. Тут меня ожидал еще сюрприз: я всегда полагала, что эльфы Светлого леса похожи друг на друга как дождевые капли. Оказалось – нет. Были среди них и темноволосые, и смуглые, и черноглазые; я подумала, что, быть может, это потомки ушедших в прошлое темных и решила как-нибудь спросить у короля.

Подъехал Альберт, сама элегантность, причем элегантность обольстительная и обольщающая. В голубых глазах оборотня прыгали смешинки.

– Любуйтесь, моя дражайшая королева, любуйтесь! Воистину, здесь куда занятнее, чем в моем родном Некрополисе! Говорили, что раньше и у нас было весело, а вот Мессир дорвался до власти – и теперь все мрачно и однообразно. Впрочем, – тут он посмотрел на меня серьезно, – я ничего такого вам не говорил, запомните это.

– Ну разумеется, – серьезно ответила я и тут же добавила, – я никогда не видела ничего подобного этому городу.

Предсказание Виолетты испарилось, словно туман под солнечными лучами. Мне было легко, радостно, и хотелось, чтобы каждый в этот миг был счастлив.

– Тогда наслаждайтесь, – улыбнулся Альберт, – надеюсь, что и дальнейшее ваше пребывание здесь будет столь же приятным и безоблачным.

Он наклонился к окну кареты и указал вперед.

– Мы подъезжаем к королевской резиденции.

Я ойкнула и почувствовала, что краснею.

Король Эльфир... Мой будущий муж, замаячивший в моей жизни столь внезапно и странно.

– А там, что это там за дворцом? – я смотрела на бирюзовую дымку.

– Море, моя королева.

– Море? – я не поверила собственным ушам, – так, значит, столица разместилась на морском побережье?

– Традиции светлых эльфов, леди Агнесса. Все они когда-нибудь отправятся через море, – уклончиво ответил Альберт и прищипорил коня.

Эвелина присоединилась к нему и оба они поскакали вперед, к ажурным решеткам дворцовой ограды.

И вот настал тот миг, которого я и ждала, и боялась одновременно. Карета остановилась, дверцы открылись – мне не оставалось ничего иного, как выйти на посыпанную мраморной крошкой дорогу. Вокруг шумели, волновались придворные, пестрое, блестящее драгоценностями море. К моим ногам упало несколько букетиков фиалок и медуницы, а потом кто-то совсем близко произнес:

– Мы рады прибытию новой королевы.

Я повернулась, все сомнения рассеялись как дым: передо мной стоял Эльфир собственной персоной.

Конечно, я представляла его себе другим. У настоящего короля не оказалось ни золотых кудрей, ни голубых или зеленых глаз, ни камзола цвета морской волны. Были иссиня-черные прямые волосы, зачесанные с высокого лба назад, белая гладкая кожа, выразительные черные глаза, приподнятые внешними уголками к вискам... Эльфир был так мало похож на того, воображаемого короля, что, не будь на его голове золотой короны с крупными изумрудами – ни за что не признала бы.

– Ваше величество, – я присела в реверансе. Хотелось сказать еще что-то, но слова и мысли мои куда-то улетучились и утонули в блестящих королевских очах.

Он подал мне руку.

– Идемте же, дорогая. Нам есть о чем поговорить.

\* \* \*

И на мою бедную голову посыпались неприятности. Началось все с того, что я – естественно, под насмешливым взглядом лакея, с превеликим трудом втиснулась в резное креслице, куда мне предложили присесть. И вовсе не потому, что обладала чересчур пышными формами, честное слово! Во всем, конечно же, оказались виноваты эльфийки, которых Создатель наделил тонкими и узкими во всех местах фигурами.

А пока я, краснея и бледнея, втискивалась в легкое креслице, Эльфир преспокойно расхаживал вокруг столика, где в вазе призывно круглились румяные булочки.

– Не желаете ли шоколада? – тоном невинного младенца спросил он, – мне доводилось слышать, что человеческие женщины без ума от этого напитка.

Шоколад! В других обстоятельствах я обязательно пропустила бы чашечку-другую, но сейчас, когда угрожающе хрустят подлокотники кресла?..

– Благодарю, я обхожусь без сладкого.

В черных глазах эльфа появилось безграничное удивление.

– Как странно. Вы странная девушка... как там вас зовут? Ах, да. Агнесса. Красивое имя, между прочим, но грубоватое для нашего слуха. Так вот, очень странно, что вы не любите сладости. Женщины моего народа каждый день начинают с бисквита под шоколадной глазурью, это считается залогом прекрасного здоровья и долголетия. Впрочем, как знаете, я не буду принуждать. Мне хотелось поговорить с вами о предстоящей свадьбе, моя дорогая.

– Я слушаю, – выдавила я. В груди шариком каталась ледышка недоброго предчувствия.

Эльфир сдержанно улыбнулся, покачал головой. И, положив руку на сердце, я не могла отрицать, что этот эльф мне очень и очень нравится. Я вдруг представила себе, как мы будем целоваться под луной, и подобная перспектива на краткий миг показалась заманчивой.

Вообще, у владыки Светлого леса была броская, запоминающаяся внешность. Он родился чистокровным эльфом – и этим все сказано: высокий лоб, на котором время не оставило ни единой морщинки, большие миндалевидные глаза, приподнятые внешними уголками к вискам, прямой нос, форме которого непременно бы позавидовали красотки при дворе короля Людовика, красивые губы – не тонкие, не полные, а *идеальные*. Добавьте к этому изумительный контраст светлой кожи и непроницаемо-черных глаз и волос, загадочную полуулыбку, едва ощутимый аромат мелиссы, исходящий от одежды эльфа – и вы поймете, что вот он, тот идеал мужчины, в объятия которого должна была непременно устремиться любая женщина.

Я растерялась. Всевышний! Эльфийский король и вправду был невероятно красив. Даже слишком... Но при этом у меня появилось стойкое нежелание падать в его объятия. Почему? Хм... Сложный вопрос. Наверное, такое чувство появляется у каждого, кто вдруг

сталкивается с созданием идеальным и недостижимым. Кажется, пальцем его тронешь – и все, картинка рассыплется горстями песка.

«О чем ты думаешь? Он твой будущий супруг», – мысленно пожурела я себя, – «если бы матушка знала, Агнессочка, о твоих сомнениях – точно подняла бы на смех!»

Возвращаясь от собственных размышлений к реальности, я вдруг осознала, что король уже достаточно долгое время что-то говорит.

– Ваше замужество – яркий пример браков, заключаемых из политических соображений, – услышала я, – ваш правитель, Людовик Неповторимый, пожелал, чтобы я взял вас в жены как залог лояльности Светлого леса по отношению к людям.

– Да, да, – прощепетала я, не совсем понимая, о чем речь. Но если так говорит сам король – наверняка это хорошо и правильно, а, следовательно, нужно соглашаться.

– Все это только потому, что при дворе было совершено несколько убийств, – хмуро добавил Эльфир, – но, как бы там ни было, я согласился. Мне нет нужды отказываться от жены благородного происхождения, пусть даже эта жена – всего лишь человек. Впрочем...

Он вдруг мягко улыбнулся. Приблизился. И взял. Мою. Руку. В свою.

Я продолжала сидеть, потому как вырваться из плена подлокотников оказалось не так просто.

– Впрочем, разве не все равно, почему я женюсь на столь привлекательной девушке? – задумчиво пробормотал король, – я просто хотел, чтобы вы знали, кто заключил наш брак, дорогая. Надеюсь, я не кажусь вам отвратительным?

– Нет, что вы, вашвеличество, – выдохнула я, глядя в непроницаемые, полные тьмы эльфийские очи.

– Тогда... – Эльфир улыбнулся, – нам ничего не остается, как провести обряд перед Священным Древом.

Я начала осторожно выбираться из цепких объятий кресла. Наверное, следовало сказать что-нибудь особенное, подходящее к моменту, но...

Мне помешали.

Распахнулась дверь, и в комнату, подобно безжалостному духу мщения, ворвалась леди Виолетта. За прошедшее время она успела облачиться в платье нежно-зеленых тонов, и теперь походила на кочан молоденькой капусты ну очень, очень больших размеров.

– Нет! Ваше величество! Нет!!!

– Что такое? – нахмурился монарх.

– Это... это... – Виолетта все не могла отдышаться. Затем ее розовый палец пронзил воздух в моем направлении, – это она! Все она!..

– Успокойтесь, ради Священного Древа, – в голосе короля зрело раздражение, – что вас так напугало?

– Ох, – астролог раскрыла веер и принялась обмахиваться, гоняя по комнате ветер, – вам следует отложить свадебный ритуал, ваше величество. Дракониий глаз должен находиться в седьмом доме, а Царская Корона – в четвертом. Кроме того...

– Какие мелочи, – сказал Эльфир.

Я злорадно подумала, что он сейчас выдворит обнаглевшую тетку за дверь и скажет – какие мелочи вся эта астрология!

Виолетта плюхнулась на диван, отчего тот испуганно скрипнул деревянным остовом.

– Если вы, леди Виолетта, считаете, что свадьбу следует отложить, мы так и поступим, – отчеканил король, – вы ведь не возражаете, дорогая? Это значит, что вам просто придется пожить при дворе в качестве моей невесты.

Я промычала что-то невнятное.

– И когда же наступит тот миг, благословенный звездами?

Виолетта опасно глянула в мою сторону, и мне стало ясно, что леди астролог подготовила самую большую гадость в моей жизни.

– Звезды достигнут идеального расположения в год Ледяного Быка, – басовито проворковала она и выжидающе уставилась на монарха.

– Всего-то! – он пожал плечами, – вот и замечательно! Значит, подождем немного...

– А когда наступит... этот год? – пискнула я.

– Через сто три года, – улыбнулся Эльфир.

Все. Это... это было уже чересчур!

В стороны с хрустом полетели изящные подлокотники. С трудом сдерживаясь, чтобы не разреветься, я сделала реверанс и, гордо вскинув голову, двинулась к выходу.

Сто три года! Проклятье, мне была уготована судьба... Да, именно так. Помереть старой девой при дворе короля эльфов!

## Отступление 1. Миссия для вампира

А теперь, дорогой читатель, настало время познакомиться с другим персонажем этого повествования, чья роль в нашей истории не менее важна, чем роль самой Агнессы. Мы перенесемся в Некрополис, последний оплот темных сил; в один из старых замков пригорода, что с высокого холма мрачно взирает на окруживший его лес. Наконец, в тихий и уютный кабинет, что расположился в главной башне замка – правда, сейчас он вовсе не был тихим. По крайней мере, последние десять минут.

– Когда изволите играть свадьбу? – упрямо повторил оборотень по имени Карл.

Эдгар Саншез, хозяин кабинета и всего замка, герой нашего повествования, смотрел на него со смертельной тоской во взгляде. Свадьбу? Но ведь с самого начала он дал понять Корделии, что ни о какой свадьбе речи быть не может. И что теперь? А теперь – вот, пожалуйста. Папаша, предводитель клана диких оборотней, явился с какими-то малопонятными требованиями.

– Эммм... – неразборчиво промычал Эдгар, пытаясь выиграть время а заодно прикидывая, как наилучшим образом выставить родственничка за дверь. Не силой же, в конце концов?

Карл нахмурился, отчего желтые волчьи глаза и вовсе стали похожи на две злые щелки. Затем почесался – тут Эдгар невольно подумал о том, сколько блох из гривы сего достойнейшего сына леса сейчас прыгнуло на ковер. Настроение Эдгара Саншеза стремительно портилось.

– Видите ли, уважаемый, – с вежливой улыбкой выдавил из себя... ах, да. Мы совсем забыли уточнить, что герой наш не был человеком. Как и следовало предполагать, он был вампиром, но не урожденным, а, если можно так выразиться, сотворенным каких-нибудь сто лет тому назад.

– Некрополис еще не знал такого мезальянса, – торопливо закончил Эдгар и выразительно посмотрел на собеседника.

Смысл сказанного, вероятно, не совсем дошел од оборотня, потому что Карл расплылся в саблезубой улыбке.

– Ну конечно, сеньор Эдгар! Все будет по высшему разряду – невесте платье из беличьих шкурок, вам... ну, вам можно плащ из волка...

– Я, вероятно, не до конца ясно выразился, – вампир доброжелательно улыбнулся в ответ, – вам следует смириться с тем, что я не женюсь на Корделии.

– Как так?!!

– Вампиры не женятся на диких оборотнях, Карл. И вам, как отцу, следовало бы объяснить это своей дочке!

Уголки рта оборотня трагически опустились. А затем, осознав, что беседа зашла в тупик, он прибегнул к последнему аргументу в любом споре – то есть схватился за дубинку.

Эдгар поморщился и, в свою очередь, нащупал – нет, вовсе не эфес изящной фамильной шпаги, которая бы принесла не много пользы в случае противостояния тяжелой дубине. Это ведь только в сказках пишут, что оборотни брезгуют оружием, предпочитая для нападения обращаться в волков. На самом деле уже очень давно все усвоили, что ни один чародей не опередит дубину – только высшие вампиры предпочитали пользоваться чарами. Но с высших взятки гладки, обратился в туман и пусть враги машут топорами...

Так вот, Эдгар нашарил кочергу, прислоненную к столу и миролюбиво посмотрел на ощерившегося оборотня. Зрелище было еще то – длинные нечесанные космы непонятного цвета, борода лопатой, а вместо одежды – звериные шкуры. Хотя, конечно, Корделия куда лучше папаша – прелестная дикарка с бешеным темпераментом.

– Карл, давайте поговорим как цивилизованные вампиры, – Эдгар предпринял последнюю попытку мирного разрешения конфликта.

– Ах ты кровосос поганый! – взревел оскорбленный родитель, – да чтобы я, да говорил как вампир?!! Да пусть лучше мой язык отсохнет!

Дубина обрушилась на стол, за которым сидел Эдгар, и последнему пришлось проявить всю вампирью изворотливость, чтобы следующий удар не пришелся по голове.

– Вы просто дикарь, Карл, – презрительно обронил Эдгар, ловко отражая следующую атаку кочергой.

– Ырррргх!!! – лицо оборотня от злости начало вытягиваться, превращаясь в оскаленную волчью морду.

– Дубину не вырони, – посоветовал вампир, – иначе тебе конец. Я дикарей не жалую.

...И в этот полный драматизма момент в кабинете появилось новое действующее лицо, которое звали Грангх.

Грангх относился к виду существ, которых тысячи слонялись по Некрополису, но которым так до сих пор и не придумали сносного названия. Изготавливались эти создания на фабриках, вид имели устрашающий, а мозгов – почти ничего.

Среди просвященных жителей Полуночного царства, то есть Некрополиса, бытует мнение, что некто доктор Франкенштейн, путешествуя, заглянул на фабрики по изготовлению слуг, был впечатлен и повторил производственный процесс, выдав налаженную в Некрополисе технологию за собственное изобретение. Оно изобретение прожило недолго и в итоге угробило собственного хозяина – исключительно потому, что доктор не умел обращаться со слугой и не имел в распоряжении особой зачарованной плетки.

Впрочем, споры по поводу дурного поведения монстра Франкенштейна почти утихли ныне; зачарованные плетки и даже ошейники продаются великолепно, и до настоящего момента никто больше не пострадал в Полуночном царстве.

– Что тебе? – раздраженно крикнул Эдгар, воинственно размахивая кочергой.

– У-у-у, – прогудел Грангх и почтительно замер в дверях, мерцая начищенным черепом. К слову, именно эта часть тела у него оказалась медной – небольшой брак производства, ничего не поделаешь.

– Говори, зачем пришел? – повторно поинтересовался вампир, уворачиваясь от дубины мщения.

– Послание. От Мессира.

Стоило последнему слову выползти изо рта Грангха, как раздался глухой стук. Карл почтительно замер навтыяжку, как будто помянутый Мессир прибывал в кабинет собственной персоной. Дубинка, стукнувшись о пол, откатилась в сторону.

– От Мессира? – Эдгар и сам почувствовал, как неприятный холодок прошелся по позвоночнику, – давай его сюда, болван!

И, бросив на оборотня многозначительный взгляд, скользнул к двери.

– Отдай письмо, Грангх.

– Вот письмо-о-о, – протянул слуга и протянул Эдгару свиток, перетянутый классической черной лентой. На кроваво-красной сургучной печати была оттиснута летучая мышь с распростертыми крыльями.

– А теперь иди, иди! – он едва удержался, чтобы пинком не ускорить движение Грангха. Затем обернулся к замершему Карлу, – вы тоже идите, несчастный отец страстной дочери. В другой раз поговорим. Мне нужно срочно ответить на письмо Мессира.

Что и говорить – упоминание имени владыки Некрополиса возымело на оборотня действие, сходное с действием чар «успокой буйного».

...Через несколько минут Эдгар Саншез остался совершенно один. Но прежде чем взяться за чтение, припрятал под столом верную кочергу – вдруг да понадобится? Вернее, в том что понадобится сомнений не было, неясным оставался только вопрос «когда?».

Затем Эдгар расположился в любимом кресле, которое принадлежало его смертному отцу, положил ноги на пуфик и срезал ленточку. Послание владыки Некрополиса тут же вспыхнуло в воздухе голубоватыми письменами.

«Жду вас сегодня в полночь во дворце», – прочел Эдгар, и буквы тотчас погасли.

«Странно», – подумал вампир, – «зачем я понадобился владыке?»

\* \* \*

*Введение в новейшую историю Некрополиса (именуемого также Полуночным царством) для студиязусов начальных курсов академии Некромантии и Вампиризма.*

До воцарения Мессира, да не будет лишним раз помянуто его имя, Некрополисом правили сестры-близнецы, урожденные вампирессы. Авторитетные источники утверждают, что сестры были рыжеволосыми, но мы, новейшие историки, смеем заявить о том, что рыжими близнецы были только после посещения салона красоты. Также не дошли до нас и истинные их имена, о которых по сей день дискутирует историческое сообщество Некрополиса.

...Во время правления близнецов обитателям Некрополиса жилось ПЛОХО, но после того, как Мессир явил свою мощь и поверг сестер в Бездну, жизнь Полуночного царства значительно улучшилась.

...Среди прочей деятельности Мессира следует особо выделить замену лозунга «Мяса и зрелищ!» на «Зрелищ и только зрелищ!»

В качестве результата можно отметить значительное уменьшение числа разжиревших оборотней и увеличение числа здоровых и поджарых особей, являющихся гордостью нынешнего Некрополиса.

\* \* \*

Часы в холле пробили десять, а Эдгар все еще сидел в кабинете у окна. Он рассеянно смотрел, как на бархатное небо выкатывается полная луна, как застывают в серебре величественные ели вокруг замка, как длинные тени ложатся у подножия холма.

Что могло понадобиться от него самому Мессире? Что?!!

Ведь Эдгар Саншез был еще молодым вампиром, к тому же, из числа инициированных – а потому толком не умел ни чар напустить на жертву, ни в летучую мышь обратиться, не говоря уже о более сложных трюках.

В толпе придворных он тоже ничем особым не выделялся – вряд ли Мессир заинтересовался бы им только из-за того, что к Эдгару Саншезу женщины липли как мухи! Разве что ревнивый муж пошептал на ушко владыке Некрополиса?

Неизвестность. Неприятная, скребущая под ложечкой – там, где у смертных обретается душа. Говорят, у вампиров тоже она имеется, навеки привязанная к плоти, и Эдгар Саншез свято в это верил. Сто лет прошло, а он все еще помнил, как в двадцать восемь лет устремился к слепяще-золотым небесам, и как тонкая, но прочная нить дернула обратно, в становящееся бессмертным тело.

«А если бы меня спросили, хочу я этого или нет? Что бы я тогда ответил?»

Мысли разбредались как заплутавшие овечки, это был дурной знак: еще чуть-чуть, и он начнет тонуть в сладких воспоминаниях, никому теперь не нужных.

...Одиннадцать.

Эдгар, словно очнувшись, поднялся, прошелся из угла в угол. Не то, чтобы он боялся идти на аудиенцию, но все же, все же...

И начал быстро одеваться. Во-первых, белоснежная сорочка с пышным кружевным жабо и такими же манжетами. Во-вторых – лучший камзол. В-третьих – новенькие бархатные штаны и высокие сапоги с броскими пряжками. Остановившись перед зеркалом, Эдгар окинул себя придирчивым взглядом. Лгут те, кто утверждает, что вампиры не отражаются в зеркалах, еще как отражаются! Только урожденные могут прятать отражения, но предпочитают лишний раз покрасоваться...

На Эдгара из зеркальных глубин настороженно взглянул вечно молодой подтянутый брюнет. Бледноват, конечно – а может быть, кожа только кажется такой белой в полумраке.

«Бледный и надменный», – пошутил про себя вампир, – «тебе бы, дружок, быть при дворе, а не прозябать в провинции!»

Впрочем, прозябание в провинции оказалось довольно приятным, если учитывать пристальное внимание со стороны Корделии...

Эдгар по привычке провел рукой по тщательно выбритым щекам, повернулся в профиль – опять по привычке. Все оставалось неизменным последние сто лет: сухие, нервные черты лица, надменно приподнятый подбородок (напоминание о высоком происхождении), нос с едва заметной горбинкой. Когда ровные черные пряди падают на лоб – получается такой романтичный герой-любовник, к которому не остается равнодушной ни одна леди Некрополиса.

«Долой романтику», – усмехнулся про себя Эдгар, – «Мессир не леди, наверняка хочет видеть раскаявшегося аскета».

Вампир пригладил волосы и стянул их сзади в короткий хвостик. Ну вот, кажется, все... Брюнет в зеркале картинно приподнял брови – гладкие и широкие, подмигнул, в темных глазах сверкнули алые искры.

Теперь, пожалуй, нужно поторопиться. Мессир не любил ждать – да и какой владыка будет дожидаться обычного подданного? Эдгар второпях подхватил шпагу на роскошной перевязи, и уже шагал к тому месту в замке, где владыка Некрополиса расположил портал.

Вступая в ярко-синее пламя, Эдгар все еще гадал, что понадобилось Мессиму, но мгновением спустя вымел из головы все мысли. Владыка слишком хорошо умел копаться в чужом сознании, так что на аудиенции самым лучшим выходом было не думать вообще. Правда, говаривали, что для чтения мыслей верховному вампиру необходимо держать в руках голову жертвы – ну да кто знает? Слишком много легенд ходило вокруг правителя Полуночного царства.

– Опаздываем, сеньор Эдгар Саншез, опаздываем.

Эдгар быстро заморгал, стараясь избавиться от мельтешащих перед глазами синих блисток. Правда, это не мешало ему раболепно кланяться Мессиму – вот так, ниже, ниже...

– Не переломись, – кажется, повелитель изволил усмехнуться.

Эдгар выпрямился, быстро огляделся.

Ага, понятненько. Портал привел не в тронный зал, а в личный кабинет Мессира, помпезно и мрачно обставленный. Одна лампа, сделанная из человеческого черепа, чего стоила.

Сам Мессир, владыка Полуночного царства, сидел за письменным столом. Откинувшись на спинку кресла, он потягивал из высокого эльфийского бокала темную жидкость. – «Кровушку, не иначе» – и имел вид именно такого вампира, каких обожают рисовать люди: совершенно белая кожа, иссиня-черные волосы, зачесанные назад и ладно обрамляющие высокий лоб мыслителя.

Губы Мессира были ярко-красными (Эдгар подозревал, что он их специально подкрашивает), брови – словно углем нарисованные. А вот радужки, на удивление, походили на два кусочка бирюзы, но, к слову, очень быстро обрели цвет бьющей из артерий крови. Вот и

все, как говорится, никаких особых примет – разве что ямка на квадратном и всегда гладко выбритом подбородке.

Одеяние Мессира тоже соответствовало классическому вампирьему одеянию: все черным-черно, только медальон на груди, словно открытая рана, алел крупным рубином.

– Не догадываешься, зачем я приказал тебе явиться? – еще глоток из бокала.

– Я теряюсь в догадках, ваше темнейшество.

– А вины за собой никакой не чувствуешь?

Похоже, не обошлось без ревнивого мужа.

Эдгар напустил на себя вид кающегося грешника.

– Мессир... Если что и было... Разумеется, дела личные...

– Вот-вот, – владыка Некрополиса пригубил из бокала, – дела личные, сеньор Эдгар Саншез. Ты правильно догадываешься, были на тебя жалобы от солидных и очень уважаемых при дворе вампиров. Юбки, знаешь ли, заведут тебя под осиновый кол.

– Могу ли я рассчитывать на снисхождение? – холодок в груди Эдгара неприятно разрастался. Похоже, дело принимало серьезный оборот. И кто же наябедничал повелителю?

Мессир отставил бокал и несколько тягостных мгновений рассматривал Эдгара так, словно впервые видел. Затем устало вздохнул, положил большие белые руки на стол – на среднем пальце владыки мириадами звезд заиграл крупный бриллиант.

– О каком снисхождении ты просишь, Эдгар? – в усмешке блеснули острые клыки, – тебе что, жить не надоело?

И, не дожидаясь ответа, продолжил:

– Есть у меня кое-какое задание для тебя. Выполнишь – будет полное прощение и титул темного графа, не выполнишь – отдам диким оборотням на съедение. Даже если ты парочку из них прикончишь, остальные тобой полакомятся.

– Я весь внимание, Мессир...

– Вот и замечательно, – теперь белые пальцы повелителя сплелись домиком, и владыка положил на них тяжелый подбородок. Огоньки в пустых глазницах черепа-лампы испуганно бились и трепетали. – Слушай внимательно, Эдгар Саншез. Я отправляю тебя ко двору его пресветлого величества короля Эльфира как посла Некрополиса. К чему такая честь? А вот к чему. Наверняка тебе известно, что мы долго добивались расположения эльфов. Добрались. Двадцать лет назад нас пригласили ко двору, завязалась какая-никакая торговля. И что бы вы думали? Кто-то убивает послов людского короля. Уже троих убили, и никто не знает, кто это расшалился... Даже я не знаю, уж поверь. Сам понимаешь, подобные инциденты бросают тень на Полуночное царство. На вампиров, в конце концов – только-только мы убедили эльфов в том, что перестали убивать ради пищи! Да и на оборотней... В общем, ты отправляешься с одной-единственной задачей – выяснить, кто пакостит Некрополису, и эту неуловимую личность отправить на небеса. Кроме того...

Тут Мессир сделал большой глоток из бокала дабы промочить пересохшее горло. Эдгар стоял, боясь лишний раз шевельнуться, но в голове уже собирался рой мрачных – нет, очень мрачных мыслей. Если тебя отправляют к светлым эльфам, считай, что дела обстоят хуже некуда...

«Нет, все-таки есть куда. Хуже только осиновый кол в сердце».

– Кроме того, я приказываю найти всех шпионов короля Людовика, если таковые имеются.

– Слушаюсь и повинуюсь, ваше темнейшество, – Эдгар спешно поклонился. Но все-таки поднял глаза на владыку и с сомнением спросил, – а вдруг я не смогу найти убийцу?

– В твоих интересах его найти, – ответил Мессир и быстро допил содержимое бокала, – а теперь отправляйся к Вулферту, получишь инструктаж.

Эдгар покорно склонил голову.

– Слушаюсь, Мессир. Но... могу ли я задать один вопрос?

В бирюзовых глаза мелькнуло недовольство.

– Какие еще вопросы, Эдгар? Мне не задают вопросов, тебе это хорошо известно.

– Я помню, Мессир, – еще поклон. Что бы там не говорили, какой владыка не любит созерцать согнутые в поклонах спины? – Скажите, отчего вы выбрали меня для этой миссии? Разве вашим агентам не удалось ничего выяснить?

Мессир поморщился, словно раскусил цельный лимон.

– Те, кого я посылал ранее, не предоставили мне сколь-нибудь удовлетворительных результатов работы. А ты, Эдгар Саншез... Кое-что было в твоей смертной жизни, не так ли? Тебе ведь поручали тайные дипломатические (и не очень) миссии? И ты, судя по бумагам, недурственно справлялся.

Эдгар вздохнул.

Было, конечно, дело. Но – Демоны! – как давно...

– Я постараюсь справиться, ваше темнейшество.

– Уж постарайся, – хмыкнул владыка, – от этого зависит твое будущее.

\* \* \*

Остаток ночи ушел на получение ценных (и не очень) указаний от престарелого оборотня, заведующего вопросами шпионажа в общем и шпионским инвентарем в частности.

Мало кто знал о самом существовании Вулферта: сей достойный гражданин Некрополиса вот уже который год не покидал обширных подвалов резиденции Мессира. Там он обрел то, о чем мечтал всю молодость – возможность творить не для прибыли, но ради удовольствия.

Владения старого Вулферта были обширны и мрачны, словно преддверие Бездны. Там постоянно что-то взрывалось, пыхало, дышало кислотой и щелоком – а в большущих ретортах плавали странные и никогда не виданные Эдгаром существа, одетые в темно-зеленую чешую и обладающие зубастой пастью.

Хозяин всего этого замечательного имущества – в темной робе и большом кожаном переднике – встретил Эдгара у входа и, топорща рыжие бакенбарды, отвесил легкий поклон.

– А, сеньор Эдгар Саншез! Как же, как же... слышан... о ваших, хе-хе, подвигах! Дурная слава бежит впереди вас, сеньор.

– Почему же дурная? – вампир недоуменно пожал плечами, продолжая озираться по сторонам.

Неподалеку в свете масляных ламп на соломенное чучело был одет кольчужный доспех, а два юных оборотня занимались тем, что обстреливали его из арбалетов.

– Оттого и дурная, – ехидно хмыкнул Вулферт, – невинные девицы вопиют о мщении!

– Невинные? – взгляд Эдгара заскользил дальше. По соседству с доспехом обстрелу подвергалась совершенно обычная на вид жилетка. Похоже, тяжелые арбалетные стрелы с лязгом отскакивали от нее... – Не встречал таких, господин Вулферт.

Оборотень пожевал губами и назидательно изрек:

– Вампирессы могут постоять за себя. А вот что касается несчастных диких оборотней...

Эдгар едва не подпрыгнул от неожиданности. Он-то откуда знает про оборотней? Или папаша чрезмерно общительной красавицы уже разрезвонил о случившемся по всему Некрополису?

Рыжие бакенбарды Вулферта воинственно торчали в стороны, и вампир уже было собрался уточнить – что это имел в виду старик, упоминая своих лесных собратьев, но...

Тут к ним подскочил юнец-оборотень, и, опасливо поглядывая на Эдгара, принялся спешно докладывать Вулферту о том, как проходят испытания нового защитного костюма. Присмотревшись, вампир увидел на груди молодца круглую нашлепку из белой кожи, на которой было старательно выведено: «Свободу Алтусу!»

«Любопытно, кто это», – подумал вампир, – «вроде не слышал о таком...»

А Вулферт уже вцепился в локоть.

– Пойдемте же, сеньор, пойдемте. Мессир не любит ждать, совсем не любит.

– А куда и зачем мы идем?

– Ну, как же, – забормотал, краснея, Вулферт, – я должен проинструктировать вас, как обращаться со специальным обмундированием... Вам придется докладывать в Некрополис о том, как идут дела, вам может понадобиться, чтобы кто-то записывал ваши мысли на расстоянии...

– Зачарованные вещи? – Эдгар усмехнулся. Предстоящая миссия начинала казаться все увлекательнее и увлекательнее.

«Осталось только красивую помощницу заполучить», – подумал вампир, но тут же решил что вот этого ему никто не даст. Точно не даст...

– Я так понимаю, что миссия моя опасна, – осторожно начал он, едва поспевая за семенящим Вулфертом. По правую руку проводились испытания розовых бутонов, которые взрывались, падая на пол.

– Все, что вам положено, у меня готово, – заверил Вулферт.

– А нельзя ли меня снабдить той жилеткой, что у входа висела? – голосом невинного дитяти спросил Эдгар.

Оборотень злобненько хихикнул и мстительно посмотрел на Эдгара.

– Дикие оборотни, сеньор, такие беззащитные! Вы только подумайте об этом!

«Я думаю, что ты меня недолюбливаешь», – подумал вампир, – «хотелось бы знать, почему?»

\* \* \*

... Уже светало, когда Эдгар с раскалывающейся головой добрался до портала, шагнул в слепящий свет пространственного разрыва и очутился в собственном замке. Приказ владыки Некрополиса бился в висках тугими ударами – «Найти убийцу, убийцу, убийцу... Где и как его искать? Он ведь тоже не дурачок, будет прятаться... Эх...»

Вконец расстроенный, Эдгар обогнул Грангха, который добросовестно собирал у лестницы мусор, замечая его на совок большим веником.

– Доброе. Утро. Хозяин. – пробасил тот, зачем-то поднимая вверх руки и высыпая содержимое совка на пол.

– Собирай, что рассыпал, – буркнул Эдгар, после чего Грангх занялся сметанием соринки в кучку.

– Хозяин-ин. Там... – прогнусавил он, но вампир уже несся по лестнице в спальню, и потому не внял предостережению.

А в спальне, между прочим, его ждали. И первое, что услышал Эдгар Саншез, переступая порог собственной опочивальни, было:

– Ты где был, негодяй?!!

– У Мессира, – устало ответил вампир и обреченно уставился на разлегшуюся в его собственной постели фурию, которая приходилась родной дочерью оборотню Карлу.

... Корделия, невзирая на юный возраст, была женщиной-мечтой для большинства кавалеров в округе. Основным ее достоинством являлось превосходное сочетание красоты и глупости, причем достоинство это с лихвой перекрывало такие мелкие недостатки как неуме-

ние читать и писать, привычку ковыряться в носу и в моменты задумчивости почесывать себе под лопаткой.

Корделия была красива: сильное и худощавое тело оборотня, не лишенное, однако, некоторых выпуклостей в нужных местах, ярко-рыжие волосы, мелкими кудряшками рассыпающиеся по загорелым плечам, маленький носик с намеком на некую аристократичность, аккуратные губки бантиком и огромные голубые глаза, которые все отражали, но в глубине пугали своей пустотой. Добавьте к этому сочетанию постоянную готовность воскликнуть «ах, дорогой, ты такой умный! я бы до этого никогда не додумалась!» и вы поймете, отчего Корделия пользовалась бешеной популярностью в близлежащих лесах и не только.

Правда, сейчас она не была настроена на воспевание умственного потенциала возлюбленного.

– Врешь! – отрубил Корделия, – зачем ты мог понадобиться Мессире? Так и скажи, что был у любовницы!

У Эдгара появилось стойкое желание на деле опровергнуть высказывание повелителя Некрополиса о вампирах, не убивающих более ради пищи. Он устало стянул камзол и хотел присесть на край постели, но тут же получил предательский пинок в спину – причем довольно чувствительный.

– Признавайся, кто она? – взвизгнула Корделия, – если ты решил меня бросить, то я выброшусь из окна! Я наложу на себя руки, и во всем будешь виноват только ты, разбивший мое нежное девичье сердце!

Это было уже слишком. Эдгар сгреб в охапку брыкающуюся и визжащую пассию, толкнул ее с кровати, а сам уселся.

– Дорогая, как же ты наложишь на себя руки, если твой достопочтенный родитель хочет нашей свадьбы?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.